

Александр
Семенов

ЖИЗНЬ
КАК
ЖИЗНЬ

18+

Александр Семенов

Жизнь как жизнь

«Автор»

2018

Семенов А. А.

Жизнь как жизнь / А. А. Семенов — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-12016-7

Книга основана на реальных событиях и охватывает исторический срез от военного лихолетья до наших дней, прослеживает перипетии судьбы простого деревенского парнишки со взлётами и падениями, горечью потерь и радостью одержанных побед.

ISBN 978-5-532-12016-7

© Семенов А. А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Семенов

Жизнь как жизнь

**Моим друзьям живым и ушедшим
в мир иной посвящаю эту книгу**

Часть первая

Вторую неделю морозы стояли за тридцать с гаком. А перед этим метели дули дней десять. Снегу намело вровень с заборами. Алёна Матвеевна кое-как пробила траншейку до поленницы с дровами, да к калитке сараюшки. Печурку топить надо, да и козушке сенца бросить. Корову Матвеевна уже пятый год не держит – на неё сена надо прорву. Разве ей накосить? А козёнку содержать ещё можно.

По улицам Борька Пашухин бульдозером своим проехался туда – сюда, нагрёб на обочины глыбы аршина на полтора. Глыбы смёрзлись – хоть колуном коли, лопата не возьмёт. Вот и сидит Матвеевна дома в застенках. Через бруствер не перебраться. Продукты кончаются, хлеба нет. Муки не запасла, надеялась, что лавка из Ковернино возить будет. Свою-то пекарню в деревне давно порушили. А газелька видимо не пробьётся. Хорошо хоть картоха под полом ещё есть.

– Господи! – Матвеевна бросила взгляд на образа в красном углу избы, – хоть бы из детей кто-то приехал, бруствер бы этот сломал, а то, если и лавка приедет, на улицу-то не выбратся.

Хорошо, хоть Борька дорогу пробил, а то бы и по улице не протолкнуться. А справный мужик – Борька Пашухин. Как-то в смутные те года сумел тракторишко к рукам прибрать. Чай не задаром, да и не задорого поди. Где бы задорого денег ему взять? Зато теперь мы, старушонки, ему на соляру по копеечке соберём, он дорогу-то и прочистит. Вот только брустверы расковырять некому.

– Ой, Господи! Хоть бы дети, кто-нибудь, приехали! Да как они приедут – дорогу-то чай замело.

В Нижегородской-то поди расчистили, а Борька до Борихи, видать не доехал.

А как ладно-то было, когда в деревне народу тьма жило. Да, что народу – коров два стада по сто голов было. Ай-ай-ай! Что это я про коров-то. Детей семеро – все рядом были. Правда около меня только Степашка да маленькая Верочка кружились. Остальные с утра до вечера в лесу работали. Вечером приедут, умоются, поедят и в клуб до полуночи. А ещё лучше было, когда Андрей был жив. Благодать! Хоть и ругались частенько. А кто не ругается?... Жизнь, как жизнь...

Нет, ребята, наверное, не приедут – далеко их разнесло: кто в Самаре, кто в Сталинграде, кто в Казахстане. Как-то надо самой выкарабкиваться. Ой, да надо печку протопить, а то к ночи изба выстынет.

Алёна Матвеевна накинула на себя плюшевую жакетку, повязала поверх платка пуховую шаль (Степашка в один из отпусков в подарок привёз) и вышла из избы. По траншейке добрела до поленницы, покрытой полуметровым сугробом, натаскала из середины поленьев, сложила их на левую руку, правой обняла сверху и понесла в избу к печке. Затем вышла в сени за смоляной растопкой. Горка мелко наколотых смолянистых сосновых щепок в углу лежала. Матвеевна выбрала несколько лучинок, залезла рукой в короб, достала кусок бересты. Прикинула: до весны растопки должно хватить.

Сложенные между двух полешков береста и смоляные лучинки загорелись от одной спички, затрещали, заискрились. Матвеевна положила наискосок ещё два поленца, прикрыла дверку печки и стала ждать, пока разгорится. Потом пошла в упечь (кухню) взяла чайник с водой и поставила его на конфорку – «Нечего теплу даром пропадать». Наложила на занявшиеся огнём поленья ещё дровишек, принесла маленькую скамеечку, поставила её рядом с печкой и присела. Как языки пламени с жадностью слизывали сначала мелкие древесные ворсинки и отщепочки, а потом занималось всё полено, так и память слой за слоем восстанавливала прошлое.

Андрей вернулся с войны в предзимье – картошка уже выкопана, а капуста была ещё не рублена. Ждали первых морозцев, чтобы она свернулась в тугие вилки. Пришёл он домой на костылях без левой ноги. Да пришёл не один, а привёл с собой такого же как и сам горемыку безногого. Алёна помогла мужикам раздеться, повесила на гвозди в стене их шинели. Тут же прискакали откуда-то Нюрка с Глашкой, бросились к отцу.

– Тятя! Тятя! Вернулся! – обвили его своими ручонками.

Четырёх летний Лёшка стоял у печки насупившись. Потом подошёл к мужикам, посаженным Алёной за стол, и выдал:

– А чего расселись? Забирайте свои шинели и уходите отсель!

– Лёшенька, Лёша, ты что! Это же твой тятя вернулся! – всполошилась Алёна. – Как так можно, сынок?

Мальчонка забился в угол, сопел. Алёна ухватом выкатила из печи чугунок, налила большим деревянным половником в глубокое блюдо зелёных щей, поставила перед мужиками.

– Хлебайте щти-то пока не остыли, а я сейчас картошечки ещё принесу. Нюрка! Глашка! Садитесь за стол, я и вам сейчас щей налью.

Андрей хлебнул несколько ложек постных щей, посмотрел на Алёну и спросил:

– А Василко-то где?

– Так в школе ещё. Скоро примчится.

Василко – это их первенец. Последний год в школу ходит – седьмой заканчивает. Большой уже. Во всём помогает. Как бы не он совсем было бы не в мочь Алёне управляться. Девчонки тоже помогают: на них огород, куры, уборка в избе. Нюрка тоже большая – десять уже. Глашка только в первый класс пошла.

Мужики поели.

– Алёна, ты бы нам баньку истопила, а то мы за дорогу совсем запаршивели.

– Ой, батюшки! Что же это я сама-то не догадалась? Только вот в зимней-то баньке ишо не прибрано, мы все в летней у реки паримся. Дойдёте ли туда?

– Дойдем. Мы от Мантурово, почитай, пешком протопали. Кое-где сердобольные старики на подводы сажали, если по дороге было.

Алёна набросила на себя телогрейку, сунула ноги в кирзовые сапоги и вышла. В сенях её чуть не сбил с ног Василко.

– Мама, что тятя вернулся? Я бегу из школы, а тётка Матрёна кричит: «Васька, беги быстрее, отец вернулся!»

– Пришёл, пришёл! Иди, дома они. Я баню пойду затоплю.

Василко рванул дверь, перескочил через порог и оторопел. За столом сидели два мужика. Мальчишка зыркнул по ним глазами, узнал отца.

– Тятя, вернулся? А мы тебя заждались.

Подошёл к столу, обнял отца и протянул руку второму мужчине.

– Меня Василий зовут.

– А меня – Григорий. Мы с твоим отцом вместе в госпитале лежали.

Василий присел на скамейку рядом с отцом. Девчонки тоже прилепились. Вылез из своего закутка и Лёшка. Примостился по другую сторону стола, поглядывая из-под лобья на мужиков.

– Ну как, Василко, вы тут жили поживали? Как учитеесь? Матери-то помогаете? – спросил Андрей у сына.

– Да нормально жили. Ведь мы не на войне – дома. А учимся хорошо, без троек. Вот закончу семь классов в техникум пойду на лесовода учиться, если вы, конечно, не будете против.

– Что ты, сынок, чего это мы будем против?.

За разговорами время летело быстро. В избу вошла Алёна.

– Собирайтесь мужики! Баня – готова.

К бане пошли всей толпой. Алёна помогла мужикам зайти в баню, наполнила шайки водой, запарила берёзовый веник.

– Ну вы мойтесь, парьтесь. Я тут на улице рядом побуду. Если, что зовите.

Алёна вышла из бани, присела на бревно под оконцем. Ребятня сидели у реки на плотике для стирки белья, о чём-то судачили.

Уже в сумерках вернулись всей ватагой домой, Алёна поставила самовар, начала накрывать на стол. Принесла из погреба миску грибов солёных, мочёной брусники зачерпнула из кадки, вытряхнула из чугунок картошку в мундирах, достала из сундука чекушку. Андрей пристально посмотрел на хлопчущую жену – «Постарела за эти два с небольшим года. А ведь ещё и тридцати пяти ей нет.»

– Андрей, Григорий! Вот выпейте после баньки по рюмочке – сказала Алёна.

– С удовольствием! – Андрей наполнил стограммовые гранёные стаканчики. – А ты, Алёна, что себе стаканчик не поставила? Не рада, что ли, возвращению мужа-калеки?

– Что ты, Андрей, как не рада? Очень даже рада.

– А то я думаю, не обняла мужа.

– Ой, да стусевалась я больно, а тут ещё человек чужой.

Алёна склонилась к Андрею, положила голову ему на плечо.

– Ладно, хоть не люблю я пить горькую, но за возвращение живым выпью.

Она встала, принесла махонькую рюмочку на высокой тонкой ножке, поставила её перед мужем.

– Налей, только не полную, а то опьянею.

Андрей налил водки в рюмочку.

– Ну что, выпьем за встречу. Живые вернулись, значит – жить будем.

Выпили, закусили грибочками.

– Да вы ешьте, картошечку ешьте, угощать то особо теперь нечем – Алёна пододвинула к мужчинам миску с картошкой.

– Ничего, всё наладится! Немчура уже драпать начала. Глядишь, скоро и войне конец.

Андрей налил себе и Григорию ещё по стаканчику.

– Алёна, Григорий у нас пока поживёт. Его деревня на Псковщине ещё под немцами. Так что ему ехать пока некуда.

– Ладно, пусть поживёт, места всем хватит, изба то большая.

За чаем разговоры пошли. Андрей спрашивал о родных, о своих товарищах: кто живой, кто убит, кто покалечен.

– Да почитай на половину мужиков, что призваны были похоронки пришли, Васька Алёхин без руки пришёл, Алёша Колесов без ноги, в селе тоже двое без рук да ног. Контуженых много. Брат твой Пётр без вести пропал. С месяц назад извещение получили. Обо всех-то сразу и не расскажешь.

Засиделись до поздна. Лучины пучка два сожгли. Алёна начала всех укладывать. Разбросила на полу матрасы, набитые сеном для Григория и Васи, мелких загнала на печку, для себя и Андрея разобрала кровать.

На следующий день в дом потянулись деревенские бабы поглядеть, да спросить, не встречали ли где ихних. Мужики прыгали по избе на костылях, выходили на крыльцо покурить. Дважды садились за стол – так и день прошёл. К утру захолодало, инеем траву подернуло. Народ засуетился, капусту с огородов убирать начали. Васятка взял топор и тоже пошёл капусту рубить. К вечеру натаскали мешками в сени целую гору вилок. «Хорошая уродилась капуста, на всю зиму хватит. Завтра надо разобрать капусту: зелёные листья снять, в короба положить» – подумала Алёна перед сном.

Утром после завтрака, проводив в школу старших детей, Алёна вместе с мужиками принялась за капусту. Мужики с ножами сидели на скамейке, Алёна подавала им вилки капусты. Они отрезали от вилок зелёные листья, бросали их в огромный берестяной короб, а белую капусту Алёна складывала в другой свободный угол сени, предварительно расстелив на полу рогожу.

На другой день Алёна с Васяткой, пока он не убежал в школу, затащили в избу три кадушки для квашения капусты и огромное трёхметровое деревянное корыто. Алёна в печи в чугунках накипятила воды, ошпарила кипятком кадушки и корыто, из сарая принесла тяпки.

– Андрей, поточи тяпки то, а я пойду баб на вечер собирать.

На рубку капусты обычно приглашались родные или соседки – человек шесть–восемь, в зависимости от количества выращенной капусты и длины корыта. Эта команда каждый вечер переходит из избы в избу, пока у всех изрубленная капуста не перекоцует в кадки.

– Ну вот и всё, и Матрёна и Степанида, и Наталья, Марья с Катюхой вечером капусту рубить придут. Шестеро то до полуночи, чай управимся.

Алёна сняла телогрейку, повесила её на гвоздь у дверей, увидела тяпки, которые так и стояли у стены, куда она их приткнула.

– Андрей, а ты, что тяпки то не наточил?

– Да, я напильник не нашёл. Вроде везде поглядел.

– Да вот же он на запечке лежит.

Андрей попрыгал к печке. И правда, напильник и брусок лежали на видном месте, на том самом месте, где он их всегда держал до войны. Взяв напильник и брусок, он уселся на табуретку у печки.

– Гриша! Передай мне тяпки, а то ты с утра сиднем сидишь.

Григорий поковылял к стоящим у стены тяпкам, прихватил по одной к каждому костылю и принёс их к Андрею. Потом подтащив остальные, сел на скамейку рядом с Андреем.

– Давай, Андрюха, ты напильником тяпки точи, а я их брусочком править буду.

– Ладно.

Мужики быстро справились с задачей. Григорий со знанием дела правил бруском лезвия тяпок. Сразу было видно, что делает он это не впервой.

– Алёна! А что это у нас радиwo не говорит?

– Васятко говорит, что какой-то проводок припаять надо. Да ему всё некогда.

– А давайте я погляжу – вмешался в разговор Григорий.

Он снял со стены чёрную тарелку, повертел её в руках.

– Мне бы гвоздь большой. Я его в печке накалю и припаяю проводок. Олова тут целая лепёшка.

Алёна пошла в сени, поковырялась там в ящике и вернулась с огромным гвоздём. Григорий положил гвоздь на конфорку. А когда гвоздь накалился, прихватил его сложенной в несколько слоёв тряпкой и принялся ковыряться в тарелке.

– Ну вот и готово! Сейчас будем проверять.

Григорий повесил тарелку на стену, вставил вилку в розетку. Тарелка хрюкнула, но не заговорила.

– Так, рано ещё. Радиwo включают в шесть часов – отозвалась Алёна. – Мужики надо ещё ножи наточить, а то чем капусту то резать будете?

– Давай, давай, конечно, наточим.

Вскоре ребяташки прибежали из школы. Все сели обедать. Молча гремели ложками. Проголодались. Когда щи и каша были съедены, защебетали. Наперебой начали рассказывать, что было в школе, кого встретили по дороге домой. Старшие с умилением смотрели на них. Потом Нюрка встрепенулась, собрала со стола пустую посуду и понесла её в упечь мыть.

Вечерело. Управившись со своими делами в избу к Сазоновым потянулись бабы. Каждая переступая порог крестилась на красный угол, здоровалась с мужиками.

– Разболокайтесь вот здесь, – каждую встречала Алёна, – да присаживайтесь пока на лавку.

– Васятко! Неси из упечи табуретки, корыто будем ставить.

Табуретки поставили посреди избы, на них водрузили корыто. Алёна начала распределять обязанности:

– Мужики, вы садитесь за стол, вилки резать будете. Васятка неси из сеней стиральное корыто, резанные вилки в него складывать будем. Нюрка, Глашка! Подтаскивайте тятю с дядей Гришей вилки капусты.

Девчонки челноками шныряли из избы в сени и обратно. Скоро весь стол был завален вилками капусты. Мужчины с хрустом разваливали вилки, вырезали кочерыжки и складывали их в отдельный таз. Работы не нашлось только Лёшке. Он забрался на родительскую кровать и с интересом наблюдал за происходящим в избе.

Стиральное корыто скоро наполнилось четвертинками вилок капусты. Две женщины взяли его за края и с грохотом вывалили капусту в деревянное корыто.

– Ну, с богом! – сказала тётка Степанида.

Все бабы перекрестились, взяли в руки тяпки, и пошел стук – перестук. Сначала слышен был только хруст, а потом стук тяпок стал глухим.

– Погодите, бабы, сейчас посолою. – Алёна взяла миску с солью и горстью стала посыпать капусту по всей длине корыта, потом тяпкой перевернула еще не достаточно мелко порубленную капусту. И снова тяпки начали выбивать весёлую, как перепляс, дробь.

Через несколько минут капуста в корыте была доведена до кондиции. Бабы присели на скамейки передохнуть, а Алёна ведром стала выгребать из корыта рубленную капусту и высыпать её в кадушку.

Когда деревянное корыто было освобождено от порубленной капусты, и надо было насыпать новую порцию, Алёна увидела, что стиральное корыто наполнено четвертинками вилок только наполовину, а мужиков за столом не было. «Куришь, поди смылись.» Но тут дверь в избу распахнулась, и опираясь на костыли, мужики друг за другом перепрыгнули через порог.

– Ого! Вы уже управились? Ну посидите, мы мигом корыто накроем.

Мужики уселись за стол, и вилки снова с хрустом разваливались на половинки и четвертинки, кочерыжки летели в таз.

– Девчонки! А вы, что дремлете? Видите, на столе вилки уже заканчиваются. Таскайте скорей! – девчонки нехотя встали с лавки и поплелись к двери. Видимо игровой азарт прошёл, и теперь им приходилось отбывать повинность. – Васятко, капусту в кадушке утрамбуй хорошенько, а потом кочерыжки начинай чистить, и складывай их в кадушку.

Четвертинки вилок снова с грохотом посыпались в деревянное корыто, и пошёл вновь бодрый перестук тяпок. Девчонки подтаскивали вилки из сеней, Василий чистил от кожуры и одревеневших волокон кочерыжки. Работа кипела.

Часам к девяти приготовленные кадушки были набиты капустой. Нерубленными остались только зеленые листья, которые заквашивались для приготовления щей.

– Вы, бабы, зеленую дорубайте, а я самовар ставить буду, да на стол собирать. – сказала Алёна и отошла от корыта.

– Девчонки, Лешка! Идите в упечь я вам молока налью. Поешьте и забирайтесь на печь спать.

Алёна поставила самовар, вытерла со стола, принесла из погреба грибов, моченой брусники, поставила в печь сковороду с уже сваренной картошкой. Пусть подогреется пока. Перестук тяпок смолк. Бабы закончили рубить зеленую капусту и начали собираться домой.

– Ой, бабоньки! Куда это вы? За стол все, за стол! Чай опашку отметить надо.

Бабы, как бы нехотя потянулись к столу. Хотя все хорошо знали обычай, что после любой коллективной работы, какое бы тяжелое время не было, следовало угощение. Рубкой капусты заканчивались все сезонные работы в деревне, и хозяева начинали заниматься своими домашними хлопотами.

Хоть и большой был стол у Сазоновых, но чтобы всех усадить, пришлось тесниться. Алена принесла на стол картошку, поставила пшённик в большой металлической миске и, наконец, водрузила на стол неведомо как добытые бутылку вина красненького и чекушку водки для мужиков. Андрей разлил по стаканам вино, себе и Григорию налил водочки.

– Ну, бабоньки, спасибо за помочь! Давайте выпьем с устатку, да закусим чем бог послал.

Бабоньки морщась выпили, мужики опрокинули в рот водочку, и уже не перестук тяпок, а стук ложек наполнил комнату. Все, что поставила на стол Алена, компания смела быстро. Пошли разговоры про войну, про работу в лесу, в поле. Всех волновало – когда эта треклятая война кончится. Просили бога, чтобы мужики, которых ещё не убили, домой живыми вернулись.

Алена приволокла на стол ведерный самовар.

– Давайте, чайку попьем. Правда чаю то настоящего нет уж давно. Губу березовую заварила.

– Ой, да губа это хорошо – для здоровья полезна – сказала Матрена – А я этим летом в березняк не сходила по губу-то. Теперь чай завариваю со смородиновыми да малиновыми веточками.

– Веточки то, они тоже силу придают – вмешалась в разговор Степанида.

Бабы напились чаю, начали выбираться из-за стола.

– Марья! Завтра чай у тебя капусту рубить будем? –спросила Алена соседку.

– Ой, да что ты. У меня и капусты то всего ничего – сама справлюсь.

– Чево это, сама? Ну, что бабы, завтра к Марье, да так и пойдем по кругу – подытожила Степанида.

Бабы ушли. Алена быстренько убрала со стола, поглядела спят ли ребятишки на печи. Те спали, как убитые. Придвинула с Василком корыто поближе к столу, освобождая место для матрасов.

– Давайте ложиться, а то завтра проспим...

За ночь снежок землю припорошил. И потекли дни один за другим, похожие как близнецы братья. Григорий, как только по радио передавали сводки с фронта, прилипал ухом к черной тарелке. Так было и в конце февраля сорок четвертого года. Григорий слушал радио, да как заорет:

– Ура! Мою Пустошку освободили! Домой можно ехать!

– Да погоди ты, ехать то. Сейчас все дороги заметены, до Ковернина не доберешься. – урезонил его Андрей.

– Григорий! На прошлой неделе обоз из Семенова в Макарьев проехал. Поди дня через два они возвращаться будут, чай возьмут тебя. А там и до Горького доберешься.

На том и порешили. Однако, ни на другой, ни на третий день обоза все не было.

– Пойду я, наверное. Обоз может другой дорогой обратно проехал. Не могу я больше сидеть на шее. Да и в семье у вас скоро прибавление будет. – Григорий лукаво посмотрел на уже заметный живот Алены. – Не терпится мне – домой надо скорее. О своих ничего не знаю: живы ли они? Где они?

– Мамка, тятка! – заорал торчащий у окошка Алешка – обоз вон едет!

Алена в чем была, выскочила на улицу.

– Подождите! Погодите! – закричала она обозникам. Бабы остановили лошадей.

– Миленькие, вы в Ковернино или Семенов едете?

– Да, в Семенов. А что?

– Возьмите калеку – фронтовичка с собой, а то он уж пешком на костылях собрался идти.
– А что не взять то – возьмем. Где он фронтовичек?
– Так в избе, сейчас соберется. А вы в избу заходите, согреетесь пока.
Женщины – возницы прикрутили вожжи к оглоблям и пошли вслед за Аленой в дом.
Григорий прыгал по комнате, собирал свои пожитки и сбрасывал их в рюкзак.
– Да не суетись, ты, успеешь – урезонила Григория пожилая женщина, видимо брига-
дирша возниц. Мы тут у печки хоть отогреемся немножко.

Алена в газету завернула еды на дорогу.
– На вот. Хоть перекусишь дорогой – то.
– Не надо Алена. У меня ещё деньжонки остались куплю в городе что-нибудь. А тебе вон ораву кормить надо.

Алена молча положила сверток Григорию в мешок.
– Ну все пора. – сказала старшая – надо засветло хоть до Наумова добраться.
Григорий с Андреем сидели рядом, молчали. Потом Андрей встал, оперся на костыли.
– Ну, до свиданья, Гриша! Доберешься до дому – не забудь прописать.
– Обязательно напишу. Спасибо вам за все. Если бы не вы не знаю где бы я ошивался все это время.

Мужики крепко обнялись, Григорий обнял Алену, поблагодарил её, потрепал по вихрам Алешку и вышел вслед за возницами...

В начале апреля солнышко начало пригревать, после полудня с застрех покапывало, но к вечеру опять подмораживало. Все ждали весны с новыми её хлопотами. Ребяшня после школы носилась по улице, и только Васятко наседавал на учебники. Всерьез готовился к экзаменам в школе и техникуме.

– Вот, закончу техникум, буду лесником али объездчиком работать. А потом, глядишь, и лесничим назначат. – частенько поговаривал он.

Но жизнь вдруг сломала все: в воскресенье в конце апреля в клуб привезли кино про Чапаева. Клуб был на средней улице, всего через два двора от избы Сазоновых. Васятко попросил у родителей пятак и помчался в клуб. Через два часа Васятка не примчался, как всегда галопом, а его под руки приволокли одноклассники. Мальчишка был бледный как полотно, из уголков губ текла кровь. Говорить он не мог, только хрипел.

– Господи! Что стряслось то? – Ребяшки кладите его на постель.

Из упечи выпрыгал Андрей:

– Что? Что? Кто это сделал?

– Не знаем, – ответили мальчишки, – кто-то ступеньку из лестницы вытащил, Вася первым выбежал, оступился и упал грудью на каменную плиту у крылечка.

– Николка, беги скорее за Клавкой-фельдшерницей, – сказала Алена одному из одноклассников Васи, да пусть поторопится.

Женщина сидела подле сына, вытирала уголками платка струйки крови. Андрей сидел рядом. Оба молчали, только иногда всхлипывали и качали головами.

Вскоре прибежала фельдшерница, посмотрела на подростка и тихо почти шепотом сказала:

– В больницу бы в город его надо. Но боюсь, что не довезем мы его.

– Что, Клава, все так плохо? – спросил Андрей.

– Хуже некуда. Все внутренности отбиты.

Смерть Васятки Сазонова взбудоражила всю деревню. Первыми прибежали сестры Алены Наталья с Нюрой, сестры Андрея Матрена и Степанида, соседки сбежались.

– Да как же это так, Господи! За что такое наказание. Ай, Васятка, Васятка, кто же нам теперь письма на фронт писать будет? – проговорила Анна Серегина.

– Узнать бы какой зверь ступеньку то из лестницы выдернул.

– Да как узнаешь. Сам этот змей не признается.

– Ни че! Бог его накажет.

– А я слышала, будто ребяташки, кои динамо– машину крутили видели перед концом кина Яшку Портянкина на крылечке клуба. Сидел, курил.

– Да он милиционеру то так и сказал: «Присел, покурил, да и дальше пошел.»

Хоронили Васятку на третий день. Народу пришло море.

Учителя старшие классы с уроков отпустили. Серые от горя Алена с Андреем ковыляли за гробом. Рядом сбившись в кучку шагали дети Сазоновых, а за ними вся деревенская толпа.

Вот так и ушел из жизни несостоявшийся лесовод, унес с собой свою заветную мечту – приумножать римские леса, растить их и лелеять.

В семье Сазоновых это была уже третья смерть. Первым ушел из жизни Мишутка, умер он ещё младенцем. Взрослые отнеслись к этому философски: «Бог дал. Бог взял». Вера умерла девятилетней от свирепствующей тогда дизентерии. Горевали. Многие семьи постигла эта беда. Поэтому погоревали, погоревали, да и смирились со случившимся. Смерть Василия принесла в дом неуёмное горе. Ведь он был надеждой и опорой семьи, практически незаменимым, полноценным работником. Руки у Алены опустились и, казалось, уже больше и не поднимутся никогда. Андрей все время сидел у стола на скамейке угрюмый, казалось безразличный ко всему. Да и что он мог: на костылях далеко не убежишь, лес рубить – не пойдешь, огород – не вскопаешь. Весь прок от него разве, что картошку начистить, да печь натопить.

Но весеннее половодье, смывшее с земли всю грязь, накопившуюся за зиму, пробудило к жизни всё: почки на деревьях набухли, начала пробиваться зеленая травка на взгорках, букашки всякие повывлеза из своих укрытий. Все просыпалось от зимней спячки. Народ в деревне захлопотал: кто поправлял упавший за зиму забор, кто наполнял навозом поднятый метра на полтора над землей рассадник, пора было семена капусты сеять.

Нахлынувшие новые заботы вывели Алену из оцепенения. Надо было думать о будущем. Да и плод в чреве все чаще напоминал о себе, брыкая ножками. Девчонки, хоть и были ещё маловаты, но во всем старались помочь родителям: уже без посылы и окриков шли покормить овец, кур, поросенка. Нюрка пробовала было доить корову, но силенки не хватало оттягивать соски вымени. Алешке тоже находилось дело: по поленцу по два носил дрова к печи, подметал пол. Андрей все чаще стал выходить на улицу, проскачет то до Матрены, то до Степаниды сестер своих, поговорит.

– Вы вот что, сеструхи, приносите ко мне лопаты, мотыги – я наточу, а то скоро понадобятся.

На другой день Степанида приволокла целую охапку лопат и мотыг. Андрей каждую покрутил, повертел оценивая объем работы.

– Вечером приходи, заберешь.

– Вечером то не досуг будет. Лучше я завтра днем прибегу.

– Ну как знаешь.

Андрей вынес на крыльцо напильники, бруски, топор, молоток, нож, приладил на себя фартук и уселся на ступеньку крыльца. Заскрежетал напильник по металлу. Сталь была мягкая и легко поддавалась напильнику. Через какой-то час все лопаты и мотыги сверкали наточенными лезвиями. Одна из мотыг болталась на черенке – «Не дело. Надо загвоздку забить.»

– Лешка! – позвал он сына, – принеси мне из упечи большой нож, да сбегай к поленнице, выбери поленце потоньше, да поровней.

Мальчонка принес отцу нож и побежал к поленнице, поковырялся там.

– Тятя! Такое? – подняв над головой полено – спросил отца.

– Неси – подойдет.

Андрей отколол топором от полена щепку и выстрогал ножом из неё клинышек, который одним ударом молотка забил в ручку мотыги. «Ну вот теперь хорошо держаться будет.»

Андрей скрутил козью ножку – закурил. Запах махорки щекотал ноздри, заполнял все вокруг. Покури, притушил окурочок в консервной банке с водой и снова позвал сына:

– Лешка! Поди сюда. – Мальчишка прискакал миготом. – Чево, тятя?

– А слетай-ка ты к тете Наташе и тете Нюре – пусть и они свой инвентарь приносят.

Алешка умчался и вскоре вернулся.

– Тетя Нюра сейчас принесет, а тетя Наташа сказала завтра.

Наутро за своими лопатами и мотыгами пришла Степанида. Осмотрела остро наточенный инструмент.

– Ой, да ты и рукоятки то закрепил. Вот хорошо то. А то тятки болтались – гляди того соскочат. Андрей, а пилу наточишь, а то совсем затупилась.

– Конечно, поточу, приноси.

Слух о том, что Андрюха Сазонов хорошо точит пилы, топоры, лопаты быстро разлетелся по деревне. И потянулись бабы со всех концов со своими мотыгами и лопатами. Андрей целыми днями был занят работой и был рад, что стал востребованным. Денег он за работу не брал, а вот если кто приносил яичко или кусочек сахара, хоть и отнекивался, но брал – ребятишкам угощение.

Как-то вечером зашел к Сазоновым начальник с лесозаготовок.

– Андрей, а ты можешь у нас пилоточем поработаешь? Дед Кузьма совсем слепой стал – плохо точит. Хоть небольшую, но зарплату будем платить.

– Да, как же я к вам туда ходить буду?

– Не надо ходить. Пилы мы к тебе домой привозить будем, напильниками тоже снабдим.

Андрей оборудовал под навесом рабочее место не только для точки пил, но и поставил наковаленку для отбивания кос – сенокос ведь скоро начнется.

В конце июня Алена разродилась мальчиком. Ребенок родился крупненьким, здоровеньким.

– Алена! Давай сына Василием назовем в память о нашем Васятке.

– Что ты, Андрей! Нельзя называть детей именами умерших! Примета плохая.

– Да бог с ними с приметами!

Бодались долго. Андрей все-таки настоял и ребенка назвали Василием.

Радио приносило хорошие вести: красная армия освобождала один населенный пункт за другим, а в начале октября наша земля была полностью очищена от фашистской нечисти. Народ в деревне воспрял духом: мужики коих ещё не убило, скоро возвращаться начнут, жизнь будет налаживаться. Однако в Верховной Ставке были другие планы: освободить Европу и добить фрица в его логове!

В деревню продолжали приходить похоронки – то в одном, то в другом конце слышался бабий вой. Пришла похоронка и родителям Алены на её брата Сашку. Вслух народ, конечно, не говорил, но уж очень тягостно было получать похоронки теперь, когда своя земля была освобождена, а мужики продолжали гибнуть, и хоронили их в чужую далекую землю. Только в начале мая следующего года пришла весть о полной победе над постылым врагом. Мужики, вернувшиеся с войны покалеченными сбивались в кучки, выпивали за победу беленькую, про жизнь беседовали, ожидали скорых перемен. А перемен все не было: очевидцы говорили, что через Мантурово эшелоны с солдатами да с вооружением все идут и идут на восток. К чему бы это? – гадали мужики.

Вернувшийся вскоре после победы без пальцев на правой руке Николка Спирин сказал, что новая война с япошками скоро будет. И только к концу сорок пятого года потянулись в деревню молодые мужики не убитые, но истерзанные войной.

Выпавший из поддувала на пол уголек вернул Алену Матвеевну в реальность. Она подхватила пальцами выпавший уголь и швырнула его обратно в печку.

– Ой! Что это я задумалась. Вся моя жизнь во сне что ли привиделась. Да нет, не спала вроде. Стало быть память свою ворошила. – тихо проговорила женщина. – Пригелась тут у печки-то, а ведь пора уж и дела делать. Надо хоть козушке сенца бросить, да и поила вынести – проголодалась поди.

Матвеевна, опираясь руками поднялась со скамеечки, подошла к входной двери и щелкнула выключателем. Лампочка под потолком вспыхнула ярким светом.

– Вот хорошо, хоть электричество у нас еще есть, а то вон на Выселках года три поди сидят без света. Да и за водой в колодец ходить не надо. В позапрошлом чай году Степашка привез из Городца двух мужиков каких-то с хитрыми инструментами. Они пробрили скважину, провели воду в дом. А то как бы за водой-то пошла: через бруствер и без ведра не перебраться. Да и какие теперь колодцы, так журавли торчат без бадей. Почитай один хороший колодец на весь край остался у дома Домничевых, а остальные заилились, пересохли. Раньше то каждое лето в деревню бригада из трех мужиков из Тимошина приходила, чистила колодцы, освобождали доступ роднику. Наши то мужики колодцы не умели, да поди и не хотели чистить. Они все больше по валенкам сноровисты были. Жгонили. Интересно было наблюдать, как тимошата работали: ставили над колодцем козлы высокие, прилаживали к перекладине веревки, которыми припутывали широкую короткую доску, усаживали на доску мужика и потихонечку опускали его в колодец. На другой веревке опускали к нему ведро с лопатой на коротком черенке. Он там лопатой вычерпывал ил и грязь, складывал в ведро. Верхние мужики ведро вытаскивали, выливали жижу на дорогу и опять опускали ведро в колодец. Так и таскали весь день ведра, пока не докапывались до чистого беленького песочка.

– Ой! Да что это я опять бывшее-то ворошу. – Матвеевна оделась и вышла на скотный двор, где в теплом хлеву держала она козушку. Почуввав хозяйку, коза заблеяла и стала рогами стучать в дверь хлева.

– Сейчас, сейчас, родимая, сенца тебе принесу, а потом и попить дам.

С делами Матвеевна управилась быстро. Да и какие теперь дела: козёнку покормила, подоила, вот и всех делов – то.

Вернувшись из хлева, Матвеевна помыла руки, налила стакан молока, очистила две картошки и села ужинать.

– Что-то Николая давно не было. Почитай, неделю не заходит. Уж не заболел ли?

Брат Николай, чуть ли не через день забегал её навестить. Придет, спросит как дела, покурит, сидя у печки, да и домой побежит. Своих дел полно. Семья у него тоже большая.

Женщина поела, подошла к окошку. Во всех соседних избах окна светились. Не спят ещё старушонки. Она прошла по комнате, остановилась у стола, на котором стояли швейная машинка «Зингер» и радио «Родина», воткнула провод от радио в розетку. – «Пусть хоть радиво говорит – всё как будто не одна в избе-то».

По радио говорили: как всё хорошо у нас в стране: строятся города, заводы, дороги. Вот вот запустят какой-то огромный комбинат...

Алена Матвеевна послушала, послушала людей из радива, потом подошла к печке, пошуровала в ней кочергой. Головешек не было. Все дрова хорошо прогорели. Она задвинула заслонку в трубе, чтобы тепло на улицу не вытягивало, и решила, что пора ложиться спать. В такую морозную пору лучше бы на печь забраться, там кирпичи ещё утреннее тепло хранят, но стара она уж, стала – тяжело по ступенькам подниматься. Она разобрала постель на металлической с блестящими шариками на грядушках кровати, вытащила из комода ещё одно одеяло, положила его в ноги. «Если будет холодно – укутаюсь.»

Сон не шел. Начавшиеся воспоминания не покидали её, а снова и снова то оборванными картинками, то целым пластом времени заполняли её сущность.

«Вот уж больше года, как война кончилась, а жизнь все не налаживалась. В магазинах ничего не было – жили своим хозяйством. Народу объясняли, что все ресурсы брошены на

восстановление разрушенного войной народного хозяйства – вот поднимем страну из руин, и заживем.» Андрей по-прежнему точил пилы для лесопункта – сиднем сидел под навесом, ширкал напильником и пощелкивал разводкой, а когда ягодицы совсем немели, вставал на костыли и прыгал по проулку, иногда завёртывал в огород посмотреть на грядки. Частенько к Андрею заходили покалеченные войной деревенские мужики. Усядутся на деревянные чурбаки, покурят, посудачат о том, о сём, да и разойдутся по своим избам. Приковылял как-то на своей деревяшке Антон Спиридонов. Он вернулся безногим почти в самом конце войны. Попрыгал, попрыгал на костылях да и смастерил себе деревянную ногу. Сначала ходил на ней опираясь на один костыль, а потом и без костыля ковылять научился. Алёна, когда первый раз увидела деревянную ногу Антона, сказала:

– Андрей, а что бы тебе такую ногу не сделать? Гляди, Антоха ходит и руки у него свободные.

– Какую ногу Алёна? У Антохи нога ниже колена оторвана – он коленом на деревяшку опирается. А я чем буду опираться? Этим двадцатисантиметровым обрубком? Мы вот с ним сговорились, да еще надо Алёшку Колесова подговорить, ехать в военкомат, требовать, чтобы нас на протезный завод отправили. Антон видел в Юрьевце мужика на новом протезе, разузнал у него всё.

– Ну так и съездите. Вот как машина лепромхозовская поедет в райцентр, так и съездите. На следующей неделе мужики уехали в райцентр, достучались в военкомате до самого высокого начальника. Тот пообещал выхлопотать им направление в Кострому. Вернулись мужики обнадеженными, привезли с собой водочки и сели у Сазоновых праздновать.

– Ну, давайте, фронтовики, выпьем за то, чтобы не обманул начальник! – поднял стаканчик Андрей.

– Да, поди, не обманет. Капитан все-таки офицер боевой.

Долго сидели друзья по несчастью, вспоминали фронтовые случаи. Фантазировали, как будут ходить на фабричных протезах. На работу можно будет устроиться, не всё на заднице сидеть.

– Да, я, вроде работаю. – заметил Андрей, – но что это за работа напильником ширкать.

– Тебе повезло. У других и такой работы нет. – возразил Андрею Алексей.

Не обманул военкоматовский начальник. В конце августа вызвали всех троих в Кострому на обследование и замеры культишек. Процедура оказалась долгой. Замеры сделали, поставили на очередь, сколько таких горемык было. Только в начале следующего лета пришел вызов на примерку протезов.

Протез был легкий, красивый: в низу алюминиевая труба с резиновым наконечником, чтобы не скользило, кверху расширялся. Место, куда вставлялась культя, было отделано мягкой кожей, два широких ремня были прилажены к протезу, чтобы перебрасывать их через плечи. Они должны были удерживать протез на культе. А ещё дали два белых, мягких как пух носка. Носок этот надо было надевать на культю, чтобы не натереть, а зимой, чтобы тепло было.

– Вот теперь буду учиться ходить на протезе. На заводе то, только показали, как его надевать и крепить. Предупредили, чтобы постепенно привыкал к нему.

– Научишься.

Долго Андрей осваивал свою «деревянную ногу»: то в паху до крови разотрет, то конец культи начнет кровоточить. И только когда снял аккуратно кожаную накладку на раструбе протеза, срезал с внутренней стороны деревяшки сантиметра полтора, приладил на место кожу, ходить стало легче. Замерщики на заводе видимо что-то напортачили. Вот так и закончились посиделки Андрея под навесом рядом со своими чурбанчиками и наковаленками. Пошел Андрей не остановишь: то по деревне прошвырнётся, то на гараж за речку в магазин за хлебом сходит, то, глядишь, и вдовушку какую навестит.

Алёна опять была на сносях: среди зимы должна была разродиться. Не то, чтобы Сазоновы очень хотели ещё ребенка – но коль бог так распорядился, значит, так тому и быть. Аборты в ту пору властями не поощрялись, да и внутренний мир не позволял насильственно избавляться от дитя. В канун нового года родился мальчик – восьмой по счету ребенок в семье. На этот раз без споров и обсуждений назвали его Степаном. Хорошо, что няньки Нюрка с Глашкой уже подросли. Нюрка то уже в шестой класс ходила, Глашка – в третий. По дому уже всё сами делают, а летом вместе с матерью в лес по грибы и по ягоды, да и на сенокос годились. Лешку еще в лес не брали – мал, будет только канючить. А вот под надзором отца полить в огороде – его забота. Васятка подрос – бегаёт по избе, топчет ножонками, а то в проулке и кур гоняет, тоже при деле.

Алёна на колхозную работу практически не ходила – только в страдную пору бригадир давал ей наряд на посевную, сенокос да пашню. На скотном дворе работать баб хватало. Мужиков вот только не было: те, что с руками и ногами в леспромхозе работали – лес пилили. Лесу в ту пору много надо было валить – отстраивалась страна. Пацанва, которая родилась до войны, подросла, тоже работали, кто на полях, кто в лесу. Дела всем хватало. Лошади в деревне появились, выбракованных в армии стали по колхозам раздавать. Даже трактор один появился: с большими металлическими задними колесами и огромными шипами по ободу. Когда трактор проезжал по деревне, ребятня, как собачонки, стаей бежали за ним и верещали. Молодые ребята, что призваны были в конце войны, всё ещё в армии служили. Кадровых военных война повыкосила. Вот молодые и ждали, когда подрастёт новое поколение. А девчонки, что до войны подростками бегали, созрели, их молодое нутро любви требовало, а женщины, вышедшие замуж перед войной, и оставшиеся в лихолетье вдовами того же хотели. Вот и шли нарасхват и малолетки и мужички женатые.

Андрей, хоть и без ноги, но по мужской части ещё крепок был. Вот и не доходил он частенько с гаража, где работал, до дому. Перехватывала по дороге какая-нибудь молодая горячая вдовушка – не только ублажит мужика, но и водочкой попотчует. Красота! Алёна пыталась урезонить мужа, указывала ему на кучу копошащихся в избе детей. Да где там.

– Ни у кого я не был. С мужиками после работы на пилораме посидел, выпили понемногу.

Но сладкая жизнь притягивала как магнитом. Не только на часок – другой задерживался благоверный на работе, но и ночевать иногда не стал приходить. Лопнуло терпение Алёны. С мужем разговаривать бесполезно. Решила пойти к Нинке, где чаще всего застревал Андрей.

– Нина! Что ты творишь? Зачем мужика с панталыку сбиваешь? У нас ведь детей мал-мала меньше куча целая.

Нинка выслушала Алёну, а потом выдала:

– Если твой мужик живой вернулся, так думаешь он тебе одной принадлежать должен? Не подумала каково нам недолюбленным, недоласканным живётся. Устали мы по ночам на стенку лазать от безумного желания. Корову вон и ту хоть раз в году к быку водят. А мы вдовы, чем хуже? Не убудет от твоего Андрюхи – и тебе и нам хватит, а от детей мы его забирать не собираемся. Нам хоть вечерок иногда с мужиком побыть, и того хватит. Вон Катька Анисимова никого не привечает, так почернела вся бедная, а я и другие вдовы – так не хотим. Так что живи спокойно, Олёнка! Да и нам не мешай!

От таких слов Алёна остолбенела, не нашлась, что ответить Нинке, постояла ещё несколько минут у порога, да и пошла домой. Дома, сидя у печки, всё переваривала слова Нинки. Говорила она не только за себя, но и за других вдов, немерено наделанных войной. Решила смириться, лишь бы не спился Андрей, да от неё и детей не отвернулся.

Вскоре после войны начали в лесах вокруг Рымов, Торзати да Тимошино лагеря, как грибы, появляться. Сгоняли в них мужиков наших, по каким-то причинам в плену оказавшихся. Сроки им давали немалые. Заключение лес валили, кряжевали, а готовые брёвна на

железнодорожную станцию «Сухобезводное» на машинах возили. Оттуда составами отправляли на стройки, да шахты.

Алёна вспомнила, как в начале 60-х ходили они с бабами в эти лагеря, меняли молоко, хлеб да куски сала на нательное бельё, сапоги, да ботинки кирзовые. Если пропитание, какое ни какое хозяйство своё давало, то мануфактуры вовсе не было. Ходили все в латаном-перелатаном. А у лагерного забора иногда и штаны ещё целые, без дыр, перепадали. Страху то было сколько, когда шли в лагеря, но нужда перебарывала страх, и бабы по трое-четверо шли. Стрелки, что жили во всех деревнях, на случай побега заключённых из лагеря, пугали – сидят там отпетые уголовники, изменники Родины, способные и изнасиловать, и убить ни за что ни про что. Но таких случаев никто из деревенских не помнит. Зато про козу «Маньку» столько баек было рассказано: говорили, одна Тимошинская баба немало денег благодаря своей козе заработала. Будто приводила она козу ночью, когда охраны не было, на делянку, где заключённые лес пилили, привязывала её в укромном месте к дереву и оставляла. Изголодавшиеся заключённые весь день пользовали козу. Манька блеяла, но терпела, а потом, говорят, и совсем пообвыкла и требовала, чтобы хозяйка её в лес вела. Так вот, каждый заключённый, поимевший козу, ложил в мешочек, привязанный у неё на шее деньги, кто рубль, кто три, а кто и пятёрку. Озолотила тимошинскую бабу коза-кормилица.

– Ой, господи! Чушь то какая в голову лезет – пробормотала Матвеевна и перевернулась на другой бок.

К вечеру следующего дня к ней зашёл брат Николай.

– Здорово, мамка! – Николай, как старшую из их семьи, давненько уж называл Алёну «мамкой». – Ты, что и на улицу не выходила? Я еле прополз к тебе.

– Дак, как же я выйду?! Мне через этот бруствер не перелезть и откопать его сил нету.

– Где у тебя лопаты стоят? Сейчас я тебе дорожку пробью.

– Так там под лестницей на поветь (чердак).

– Только лопатой-то вряд ли пробьёшь. Смёрзлось уж больно.

– Пробью!

Николай вышел с лопатой на улицу. Алёна прильнула к окошку наблюдать. Смёрзшиеся комья снега не поддавались, лопата при ударе звенела. Но Николай не отступал и всё с большим усердием колошматил лопатой по гребню снега. Наконец, большой обледеневший ком отвалился. Николай руками отбросил ком в сторону и снова взялся за лопату. Дело пошло веселей. Куски, хоть и небольшие, отваливались при каждом ударе лопатой. Вскоре проход шириной в метр был пробит, и брат стал прочищать тропинку к крыльцу.

Николай вернулся в избу взмыленный: волосы под шапкой были мокрые, да и нательная рубаха прилипла к спине.

– Ну вот, мамка, высвободил я тебя из плена. Теперь и на улицу можешь выходить.

– Ой, как хорошо – то. А то вдруг лавка приедет из Ковернино, так за продуктами сбегая.

– Э, да лавка вчера была. Теперь только в четверг приедет.

– Ой, да как же я её не видела. Чай, задремала. Да и не перелезла бы я через этот гребень.

Хорошо, что пробил мне дорожку то.

– А, что у тебя, мамка, и хлеба нет?

– Так ещё на прошлой неделе закончился.

– Ладно! Сейчас я покурю, да пообсохну, пойду домой, Галину pošлю, принесёт она тебе хоть полбуханки.

Николай уселся у дверцы печки, скрутил козью ножку, насыпал из кисета махорки и закурил. Затягивался он не спеша, старался выпустить дым изо рта в поддувало.

– А, что ребята то пишут?

– Да, пишут. Редко, правда. Стёпка почаще пишет, а от Лёшки только открытка к празднику.

– Стёпка и нам открытки к каждому празднику присылает. Ну ладно, пойду я. – Николай приоткрыл дверку печки и швырнул внутрь окурочек, – Галину сейчас пришлю.

Брат ушёл, а вскоре прибежала Галина. Всё лицо было замотано шалью, только глазёнки сверкали.

– Тётя, вот тебе тятя хлеба прислал.

– Спасибо, Галинка! Раздевайся, посиди, согрейся. Замерзла, чай? А что, уроки в школе уже закончились?

– Так мы не учимся из-за морозов. Ну, я поскачу – тятя велел не задерживаться.

Алёна развернула тряпицу. Хлеба была почти целая буханка. Алёна опять завернула в тряпицу хлеб и отнесла его в печь. – « Штей теперь постных наварю, да с хлебом и поем. И козушке, кусочек хоть , надо дать.»

Матвеевна взяла миску, пошла в чулан, натюкала тяткой в кадушке зелёной квашеной капусты, зачерпнула полную миску ледянистых крошек, принесла в избу, поставила миску на табуретку рядом с печкой – пусть оттаивает. Потом почистила две картошки, поставила на конфорку кастрюльку с водой и стала ждать, пока закипит.

Николай, вдоволь наскитавшись по госпиталям, после серьёзной контузии, домой возвратился только к концу войны, после того, как родители получили похоронку на Сашу. Врачи рекомендовали ему больше быть на воздухе, хорошо питаться и никаких физических нагрузок, во всяком случае год-полтора. Чего-чего, а свежего воздуха в деревне, окруженной вековыми лесами – не передышишь, а вот хорошего питания – извините. Хотя свежие ягоды, грибы, овощи, и конечно, лесной воздух, за год заметно улучшили состояние Николая. А в сорок седьмом, его уже приняли в леспромхоз на работу десятником – он ещё до войны закончил семь классов, и был вполне грамотным для этой должности. Он, как и все лесорубы, ходил на делянку с топором за поясом. По работе топор ему вовсе не нужен был, достаточно было блокнота и карандаша, но мало ли чего-то сучок вдруг на бревне недорубленный заметит, оттяпает его, или где-то в бонах скобу забить нужно. Так что топор всегда был при нём.

Как-то в середине лета лесорубы всей бригадой пришли в контору зарплату получать. Народу в коридоре было – не протолкнёшься. Очередь в кассу двигалась медленно. Николая начало мутить, голова вдруг закружилась, и его повело. Чтобы не потерять равновесие, Николай взмахнул руками и зацепился за висевший на стене портрет товарища Сталина. Рамка с портретом с грохотом рухнула на пол. И надо же было такому случиться, что в поиске равновесия мужчина наступил на портрет. Службы нашли в этом умысел и отправился Николай на три года в лагеря Унжлаговские. Благо от дома не далеко. За подпорченный портрет Сталина посадили Николая, он же Сталин, а вернее его смерть, освободил по амнистии подчистую. Вернулся он смурной и ещё долго не мог прийти в себя. Нет, злобы у него не было, а обида глубоко засела в сердце. Но и она постепенно выветрилась, ушла на задворки.

Алёна похлебала свежесваренных щей с хлебом, попила чайку, отнесла кусочек хлеба козе. В хлеву было холодно, и Матвеевна пока скормила козе хлеб, да погладила её по спине задрогла. Пришла в избу, села на скамейку у печки и прислонилась спиной к тёплым кирпичам. Спина вскоре отогрелась, а потом тепло разошлось по всему телу – разомлела Алёна.

После рождения Степашки Алёна решила: хватит детей плодить, ведь не молодая уже. Этих бы вырастить. Но после разговора с Нинкой решение своё изменила – если не привечать мужа – совсем от дома отобьётся. Так и появились в их семье Миша да Верунька. Верунькой ходила тяжело, возраст видимо сказывался, как ни крути, за сорок уже перевалило. Рожать дома с повитухами не рискнула – первый раз в жизни поехала в Горчуху, в больницу рожать.

Андрей изо всех сил старался обеспечить семью: за работу пилоточем платили мало, и он выучился на электромеханика. Как раз в это время привезли в гараж дизельную передвижную электростанцию. Попросился Андрей у начальства перевести его на станцию. Новая работа – новые заботы. Муж уходил на работу в пять часов утра, и Алёне к этому времени надо было

приготовить еду: накормить его, с собой узелок собрать – до полуночи Андрей был на работе. К шести часам надо было подготовить и завести дизель. Хорошо, если напарник оставил бак заправленным соляркой, а то ещё ведра два-три надо принести. Ровно в шесть Андрей должен включить рубильник, чтобы потекло электричество по проводам в дома, контору, диспетчерскую. Днём, когда в гараже слесарей, да шоферов полно, нет – нет мужики к нему в биндегу заглянут, посудачить, а иногда и за соляркой с ведром сходят. Сочувствовали: всё-таки без ноги моторист. Зато вечером, часам к восьми оставался он в гараже один-одинёшенек. Выйдет на улицу, поковыляет между машинами, да тракторами, добредёт до курилки – выкурит самокрутки две – одну за другой, посидит немного, да и опять возвращается к своей кормилице. Ровно без десяти двенадцать ночи Андрей трижды должен дёрнуть рубильник, выключить и включить сеть, чем предупреждал население, что через десять минут электроэнергия будет отключена и наступит кромешная тьма. Андрей загодя зажигал фонарь, чтобы хоть как-то высвечивать дорогу домой. Возвращался около часу ночи. Алёна ждала его, накрывала на стол нехитрый ужин. Зато теперь муж почти полторы суток был дома – отоспится, а днём новые дела: кожи выделывать, да сапоги шить научился. Не только свою семью обувал, но и на продажу под заказ сапожничал. Специально для выделки кожи купил огромную бочку, в которой вымачивал и мял шкуры. Бочка стояла на сеновале – вонища была – не продохнуть.

Вот и на сей раз Алёна поднялась на сеновал за берёзовыми вениками: суббота была – банный день. Зловоние ударило в нос. Женщина прикрыла лицо платком. Муж согнувшись над бочкой изо всех сил жамкал кожу, рубашка на нём была мокрая, хоть выжимай, пот тёк по волосам, лицу. Рядом, на подхвате, вертелся Стёпка – мал ещё был, а всё на каждую щель затычка.

– Ладно, себя то не жалеешь, так хоть бы ребёнка не травил! – заметила походя Алёна.

– Никто его не принуждает! Сам он всё время под ногами крутится. Ну и поможет если что. Пусть учится – в жизни всё пригодится.

– Заканчивай уж. Я вот пойду, веник запарю. В баню пора.

– Ну иди, запаривай. Слезаем мы уже. Стёпка, подкати крышку.

Андрей, держась за перила, выставив вперёд ногу с протезом на второй прыгал по ступенькам. Мальчонка, копируя отца, так же на одной ноге прыгал со ступеньки на ступеньку. В сенях Андрей взял с подоконника кисет с махоркой и вышел на улицу, уселся на лавочку у палисадника, закурил козью ножку. Прохладный ветерок обдувал разгорячённое тело. Вскоре вернулась жена, собрала в узел чистое исподнее на всех.

– Топайте, мужики, к бане. По первому парку похлещетесь. А потом Нюрка с Глашкой с работы придут, тоже париться побегут.

– Стёпка, возьми у матери узел и скачи, а я за тобой поковыляю.

Андрей парился – неистово хлестал себя веником, и время от времени просил сына плеснуть водички на каменку. Пар с треском и шипением поднимался над каменкой и растекался по всей бане. Жар был невыносимый. Малец после каждого вылитого на каменку ковша, мигом садился на пол и закрывал ладонями уши. Вдоволь напарившись, Андрей сползал с верхней полки, обливал себя холодной водой, и немного отдышавшись, загонял на полку сына, и начинал его парить, слегка похлёстывая веником по спине, ягодицам и ногам. С каждым ударом жар от пара пронизывал тело. Мальчишка готов был заорать, но терпел, боялся показать свою слабость. Розовые, как двухмесячные поросята, отец и сын выползли из бани, усаживались на бревно у стены и отходили. До войны Андрей всегда сразу из парилки бежал к реке и со всего маху бросался в холодную воду. Теперь уж до реки не допрыгать.

– Тятя, ты всё напарился? – спросили подбегая к бане дочери.

– Да уж, нахлестались. Сейчас мы со Стёпкой домой потопаем. А вы сперва возьмите ведра, да водички холодной из речки принесите. А то я почти всю на себя вылил, кипятка в котле много – на всех хватит. А что мать не идёт?

– Сказала – следом придёт.

Последними шли в баню Лёшка с Василком, если Мишку на улице вылавливали, то и его с собой тащили. Париться он не любил, посидит, попотеет, отдерёт цыпки с рук и ног мочалкой, обольётся водой и все дела.

После бани все вместе чаевничали. На стол водружался медный пузатый самовар, на конфорку ставился заварной чайник, гранёные стаканы с блюдцами каждому. В сахарнице сложены горкой большие куски сахара, а рядом щипцы для колки. На тарелке баранки, либо пирожки с картошкой. Пили долго. Из стаканов чай наливали в блюдца и с фырканьем втягивали в себя горячий напиток. Разговаривали. Потом старшие дети вдруг разом подрывались:

– Куда, сумасшедшие?

– К окулиничевой избе – там сегодня посиделки.

– И я с вами! – заверещал Стёпка.

– Дома сиди! Мал ещё! Подрастёшь, пойдёшь.

– Не долго загуливайтесь! Завтра все по брусёну пойдём. Пospела уже.

Последние слова матери были сказаны в пустоту. Головы детей промелькнули под окнами, и след их простыл.

– Мама! А я по брусёну пойду?

– Пойдёшь, Стёпа. Только вот пещерок маленький надо на повети найти.

– Я сейчас слазаю, поищу.

У акулиничевой избы на лужайке собралась большая толпа молодёжи и подростков. Девчата сидели на вынесенных из дома скамейках, ребята стояли кучками, рассказывали байки. Ждали Славку-гармониста. Уж и гонца за ним послали. Наконец-то! Славка, в сопровождении посыльного, вывернул из Домничева переулка. Девки зашевелились, освобождая в центре скамейки место для гармониста.

– Славка! Ну, что же ты так долго! Мы уж все ноги отсидели.

Славка ничего не ответил. Снял с плеча гармонь, уселся поудобней, пробежал по ладам пальцами.

– Эй, Славка! Давай сормача!

Гармошка с переборами заиграла и пошла плясать губерния. Первыми выскочили на круг девчонки, затоптали, пока молча без припевок. Так всегда было пока кто-то не осмелится первой спеть частушку.

Славка играл, рвал меха, на секунду останавливался, для начала запевки, и опять бежал пальцами по клавишам. Тут с приплясыванием в круг выскочил Сашка Савинов и началось:

«Моя милка чай не пьёт,

Конфеточки не кушает –

Приложила к ..... радио,

Сидит, да слушает.»

Гармонист передёрнул меха, гармошка рявкнула:

«Девки наши, дайте Яше –

Яша тоже хочет ....

Если Яше не дадите,

Яша может умереть!»

И тут Машка Потапова остановилась напротив Сашки, прибоченилась и дождавшись музыкального такта, выдала:

«Мой милёнок, как телёнок,

Только веники жевать:

Проводил меня до дома,

Не сумел поцеловать!»

Девчонка притопывая прошлась по кругу и снова встала перед Сашкой:

«Я бывало, всем давала

По четыре раза в день,

А теперь моя давалка

Получила бюллетень.»

Разгулялась молодежь: на пяточке уже отплясывало десятка два девчонок и парней и каждый старался, уловив момент, спеть частушку.

Веселье продолжалось до тех пор пока, тётка Акулина, высунувшись из окна не закричала:

– Хватит орать! Закругляйтесь! Полночь уже!

Хочешь не хочешь, а надо было закругляться. Следующий раз тётка Акулина не разрешит под своими окнами хороводиться. Молодёжь начала расходиться – кто парами, кто стайками. И долго ещё вдоль деревни то там, то тут слышались взрывы молодого задорного смеха.

Алёна проснулась рано, затопила печь – надо было разогреть щи, да кашу – накормить всех перед походом за ягодами, с собой собрать что-то. Часов в шесть начала тормошить детей.

– Вставайте, гулёны! Пора по брусёну идти!

Первым вскочил Стёпка, за ним нехотя, потягиваясь, стали выползать из-под одеял остальные.

– Глашка! Ты дома остаёшься. За детьми приглядывай. А то, ускачут куда-нибудь, отцу их не догнать.

– Мама! А далеко за брусёной то пойдём? – спросила Нюрка.

– Наверно, за дальнюю гору к Мормазу. Поблизости то всё уж поди обобрали.

– А Стёпка то дойдет с нами, не замается?

– Допрыгает. А там на пенёчке у пещерков посидит, отдышится.

После завтрака ягодники отправилась в путь. У каждого за плечами сплетённый из бересты короб – пещер, а в руке корзина. Алёна шла впереди, а за ней гуськом выводок и только Стёпка скакал от одного к другому, размахивая своей корзиночкой. На подходе к крутой горе Нюрка свернула с дороги, проверить есть ли где-то тут ягоды.

– Мама! Здесь ягоды! Много!

Алёна подошла к дочери, огляделась.

– Да нет тут ягод. Видишь, всё вокруг обрано. Кто-то два куста пропустил. Тут много не наберём. Туда за гриву пойдём.

Женщина хорошо знала все ягодные места и потому шла наверняка. На спуске к Мормазу, Алёна свернула с дороги и углубилась в лес, приглядывая при этом за детьми. Вскоре ягодники вышли на небольшую поляну.

– Вот здесь и остановимся. Скидайте пещерки. Нюрка, пробегись окрест, глянь ко много ли ягод.

Дочь обошла по лесу полянку и вернулась с полными пригоршнями рубиновых крупных ягод.

– Мама! Ягод полно. Да хрушкая (крупная) брусёна такая.

– Вот и ладно. Здесь и будем собирать. Стёпка! Ты тут у пещерков посиди, а вы все по кругу расходитесь. Далеко не разбегайтесь, чтобы друг дружку видно было.

– Не хочу я у пещерков сидеть! Вон, Васька пусть охраняет.

– Хорошо! Пойдёшь ягоды собирать. Только рядом со мной держись.

– Ладно, – недовольно выдавил из себя Стёпка, – я с Лёшей вместе хотел.

– Нужен ты мне! Будешь под ногами путаться, да мешать. – огрызнулся старший брат.

Чуть отошли от полянки, а под ногами уже стелются по земле, поднимаются на коротеньких веточках кисти ярко-красных ягод. Алёна склонилась над кустиками и начала собирать

бруснику. Она пропускала кисти между безымянным и средним пальцами и одним движением оголяла кисть. Ягоды собирались у неё в ладони и тут же отправлялись в корзинку.

– Мама! А как ягоды срывать?

– Поди сюда, я покажу.

Сынишка подошёл к матери.

– Гляди! – она левой рукой приподняла ветку, между пальцами правой захватила кисточку с ягодами и потянула на себя. Ягоды собрались в ладони. – Вот так и собирай.

Стёпка попробовал повторить опыт матери, но оторванные от кисти ягоды ссыпались с ладони на землю.

– Лодочкой, лодочкой ладошку держи.

– Я держу, а они всё равно падают.

– Ладно! Рви по ягодке и складывай в корзиночку.

Алёна ловко обрывала ягоды с кистей, и вскоре дно её корзины было уже пальца на два покрыто пурпурно-красными плодами брусники. Стёпка пытался у куста: ягоды никак не хотели поддаваться ему. Но мальчишка не мешал матери, молчал и продолжал собирать бруснику по одной ягодке. Иногда он пытался снимать ягоды с кисти, как показывала мать, но они так и норовили свалиться с ладони. Тогда он придумал: приподнимал ветку, подставлял под неё корзиночку и стягивал пальцами ягоды. Часть ягод оставалась в ладони, а те, что сваливались с ладошки, попадали прямиком в корзинку.

– Мама! Глянь! Я придумал, как собирать.

– Ну и что ты там придумал?

– Вот, молодец! Так и собирай.

Алёна выпрямилась, огляделась по сторонам. Старшие дети старались, их головёнки торчали над кустами папоротника. Убедившись, что все на месте и заняты делом, она опять склонилась к кусту брусники. Когда корзина была наполнена ягодами, мать вместе с сыном пошли к полянке ссыпать ягоду в пещер. Вслед за матерью к полянке подтянулись и остальные. Корзины у всех были полны брусники. Дети высыпали ягоды из корзин, каждый в свой пещерок и отправились в лес продолжать сбор ягод. Стёпка побежал справить нужду за кустики. Алёна в это время подсыпала в Степашкин пещерок ягод из своей корзины, чтобы показать, что младшенький не хуже других, и тем подзадорить его.

– Мама! А куда из моей корзинки ягоды делись?

– Так погляди, я их в пещерок твой высыпала.

– У-у-у сколько!

Мать с сыном снова углубились в лес, и где-то через час их корзины снова были наполнены отборной брусникой. Старшие к этому времени уже были на поляне.

– Мама! Гляди пещерки то уж полные. Домой теперь пойдём?

– Нет, Вася! Сейчас вот пополдничаем, а потом наберём ещё по корзине. Не пустые, чай, их домой нести.

Алёна развязала узелок, выложила хлеб, картошку, зелёный лук, поставила рядом жбан с водой.

– Давайте, ешьте! Передохнём, а потом ещё один заход сделаем.

– Да мы уж ягод налопались.

– Ягоды не еда. Вот по паре картошек, да по куску хлеба – на животе поплотней будет.

Все уселись в кружок и начали сметать с платка нехитрую снедь.

– Нюрка! Как там в вашем углу брусены-то то ещё много?

– Много, мама. Там её и за два дня не собрать.

– И у нас её видимо невидимо – вмешался в разговор Алёша, – сейчас быстро по корзинке наберём.

Ягодники вернулись в деревню за полдень. Солнце ещё стояло высоко. С запада начинало натягивать тучки. Поднимался ветерок. В лесу даже лёгкого дуновения не было. «Как бы дождя не нагнало» -подумала Алёна. Глашка с младшими копошились на крыльце, строили что-то из чурок.

– Ребятишки! Давайте пока ветерок хороший, провеём брусёну то.

– Давай, мам, завтра провеём.

– Неровен час задождит. Давайте завершим сёдни, а завтра отдыхать будете.

За огородами расстелили большой кусок брезента, стащили к нему пещерки и корзины с брусникой. Высоко подняв корзину с ягодами Лёшка потихоньку ссыпал ягоды на брезент. Ветер выхватывал из струящегося ягодного потока листья, мох, мелкие травинки и уносил их вдаль. Тяжёлую налитую соком ягоду ветер не осиливал и она, очищенная от мусора, падала на подстилку. Когда из корзины были высыпаны все ягоды, Нюрка с Глашкой, прихватив за углы брезент, аккуратно ссыпали провеянную ягоду в порожнюю корзину и опять расстелили подстилку на землю. Алёна взяла корзину с провеянной брусникой и понесла её в избу, чтобы высыпать в уже подготовленную кадку. Каждое лето заготавливали на зиму по две-три десятиведёрных кадки мочёной брусники. « В этом году урожай хороший, надо не меньше трёх кадок засыпать. Едоки то подрастают. Эту ораву кормить надо.» – подумала Алёна высыпая ягоды в кадушку. Ветер усиливался. Иногда его порывы уносили за пределы брезента не только мусор, но и мелкие ягоды. Западный край неба затянуло тучами. – « Успеть бы до дождя, всё провеять». Только-только ссыпали с брезента в корзину последние ягоды, в небе громынуло, и первые редкие, но очень крупные капли дождя ударили по земле.

– Ребятишки! Быстрее хватайте всё и бегите в избу! Ливень сейчас будет.

Алёна подхватила корзину с ягодами и поспешила в избу. Ребятня, схватив пустые пещерки и корзины припустили за ней. Пока ещё глухие раскаты грома наполняли округу. И вдруг яркая вспышка молнии разорвала облака, и следом, с треском и орудийным залпом громынуло, ветер рванул, вихрем погнал песок по улице. Небо прорвалось, и хлынул дождь, хлынул сплошным потоком. Уже через несколько минут по проулку и улице стремительно понеслись мутные потоки воды. С каждым раскатом грома Алёна крестилась и что-то бормотала. Младшие кучкой забились на кровать, и только Алёшка с Нюркой стояли на крыльце и комментировали проделки стихии.

Вода, заполнив колеи, устремлялась по проулкам на переднюю улицу, там собиралась в единый поток и неслась по Уренцову прогону к реке. Новый резкий порыв ветра уронил угол забора у Куличихи. Видимо, поток воды подмыл столбики.

– Ой, батюшки! Все помидоры, да капусту в огороде переломает. Хоть бы накрыть чем. – запричитала появившаяся на крыльце Алёна.

– Мама! Какое там накрыть – всё унесет. Вон у Куличихи забор положило.

– Ой, а где же отец у нас? Куда его унесло?

– Так он же на сежу к заводу ушёл рыбу ловить кошелём – отозвалась Глашка.

– Ой, господи! Унесёт его вместе с сежей.

– Он, что дурной в такую погоду на сеже сидеть? В баню какую-нибудь уж давно перебрался. Переживает.

– Ладно бы если так.

Ливень так же неожиданно, как и начался, стих. Глухие раскаты грома раздавались далеко за Макарьевой гривой. Тучи постепенно сползли в сторону леса. На западе небо очистилось, а низко скатившееся солнце осветило косыми лучами землю, заиграло бриллиантами на траве и листьях деревьев. Тишина окутала деревню.

Примерно через час после ливня приковылял домой Андрей. Нога и протез чуть ли не по колено были в грязи, по лбу и щекам струился пот.

– Думал не доползу – деревяшка в землю проваливается – не вытащить. Лёшка, надевай резиновые сапоги, да сходи в нашу баню. Я там кошел оставил, да языков с подлещиками десятка полтора. Принеси – жарёха будет.

Лёшка, что-то пробормотал себе под нос, но спорить не стал. Натянул на ноги огромные резиновые сапоги и пошагал в сторону Уренцова прогона. По прогону вода промыла огромную канаву. Рядом с оградой были видны глубокие следы. Один как бы толстой палкой проткнут, другой – от сапога. «И как только отец пробрёл тут ?» – подумал Алёшка.

А дома в это время Алёна хлопотала вокруг мужа:

– Скидай протез, я хоть его отмою покуда грязь не засохла. А то потом не отдерёшь.

– Сапог то тоже надо помыть. За голенище грязь напозла.

– Ну скидай всё. Всё и помою.

– Алёна! Я когда по прогону шёл, поглядел, за оградой у Яшиных всю картошку размыло. У нас так же наверно. Надо бы вам завтра пойти окучить.

– Конечно. С утра и пойдём. А то зимой есть нечего будет. Ох, этот ливень понаделал делов. В огороде надо всё подымать. Ты бы завтра, пока мы картоху окучиваем, палок да кольев наготовил. Помидоры поднять, да подвязать надо будет.

– Подвяжем.

Вскоре возвратился Лёшка. Развесил на заборе кошель, сетку с рыбой занёс в избу.

– Ох, еле дополз. И как ты, тятя, протез в этой грязи не оставил? У меня нога из сапога дважды выскакивала.

Андрей сидел на скамейке в одном исподнем. Алёна в корыте отмывала протез, сапог был уже помыт и стоял у стены кверху подошвой – стекал изнутри.

– Да я уж хотел сбросить протез, да по-пластунски ползти до дома. Потом приноровился о верхнюю жердь ограды опираться и прыгать на одной ноге.

Глашка с Василком ушли на задворки чистить рыбу. Язи были крупные, фунта по полтора-два. Подлещики помельче.

– Интересно, а как тятя по двум жердочкам на сежу попадает? – спросила Глашка.

– А ты, что не видела? Садится на жерди попой и руками перетягивает себя.

– Я бы так не сумела.

– Куда бы ты делась, если бы ноги не было.

– А он лисапед купить собирается. Как же он педали крутить будет?

– Раз собирается купить, значит, что-нибудь придумал.

– Васька! Чего ты возишься – чисть быстрее. Одна твоя рыбина осталась. Мама уже заждалась поди.

– На, тащи! Я ножи помою.

На кухне Алёна приготовила большой противень, уложила на него рыбу и ловко затолкнула в жерло печи, на предварительно разровненные еще пышущие жаром угли. Буквально через пару минут рыба на противне зашкворчала. Алёна сидела рядом с печью на табуретке – караулила. Ещё через пару минут она сняла с углей противень, вытащила его на чело, деревянной лопаткой перевернула рыбу и снова отправила на угли.

– Андрей! Режь хлеб. Жарёха скоро готова будет.

– Да уж порезал я. Ись хочется.

– Скоро уже.

На ужин каждому члену семьи досталось по две рыбины. Алёна не успевала выбирать кости и подкладывать кусочки рыбы Мишутке с Верочкой.

– Осторожней! Не подавитесь. Вдруг я косточку проглядела.

– Ага, смотрим.

Насытившись, все вылезли из-за стола. Одна Алёна задержалась доедать остатки после малышей. После еды она почувствовала, как усталость окутывает всё тело. Хотелось упасть

на кровать и спать. День выдался, как всегда тяжелым. День – ночь. День – ночь. Так и шли недели, месяцы, годы. Хотя они не были похожи один на другой. Дети росли и приносили в жизнь новое, ранее не изведенное. Знакомое, но не пережитое ей самой.

Нюрка с Глашкой заневестились, Лёшка в леспромхоз работать пошёл, Василко школу заканчивает. Малыши подрали, сами себе сопли вытирать научились. Не держатся за подол, не канючат ежеминутно...

По осени сваты в избу ввалились. Нюрку за парня из соседней деревни замуж звать. Сговорились свадьбу отпраздновать после Покрова. Вылетела из родительского гнезда первая пташка. А весной Глашка, как с цепи сорвалась:

– Нюрку замуж выдали, и я замуж пойду!

– Глашка! Ты, что рехнулась? Мала ещё – тебе и восемнадцати нет.

– Работать, так не мала. Вон в столовой заведующей стать предлагают.

– Нет, Глаша, рано тебе ещё замуж. Да и денег у нас на вторую свадьбу нет. Вот зимой отец с Лёшкой сходят на жгонку, заработают денег, тогда и о свадьбе говорить будем. А жених-то хоть есть?

– А то ты, мама не знаешь.

Вечером Андрей к дебатам подключился. Уговорили – таки Глашку годок с замужеством погодить.

В середине сентября снег выпал – да не так, чтобы землю припорошить, а лёг капитально. За трое суток насыпало сантиметров тридцать. По улицам то и дело громыхал трактор с прицепленным треугольным из цельных брёвен сооружённым снегоочистителем. Вершина треугольника вгрызалась в снег, и он скользая по катетам ровными высокими пластами ложился на обочины.

Андрей с Алёшкой засобирались на жгонку в Башкирию. Укладывали, упаковывали свой мудрёный инвентарь: лучок, решётку, колодки разных размеров. Получились баулы, которые, казалось и поднять невозможно, не то, что на себе тащить. А ведь таскали.

Алёна, как только отправила мужиков, вместе с Василием притащили с сеновала по частям ткацкий станок, собрали его посреди избы рядом с окнами, чтобы светлей работать было. Основу накрутили на барабан и натянули из ранее прикупленных ниток. Нитки были крепкие, не на катушках для шитья, а смотанные в большие бобины. Эти же нитки наматывались на челнок, который потом швыряли между нитями основы туда-сюда. Работать за ткацким станком надо было обеими руками и ногами одновременно: левая нога нажимала на педаль, поднимающую один из гребней, между зубьями которого проходили нити основы, одновременно ткачиха правой рукой пробрасывала челнок на другой край полотна и ловила его левой рукой, и в это же время правой рукой лёгкими постукиваниями гребёнки плотно укладывала нить к уже сформированной ткани. Вслед за этим правая нога нажимала на другую педаль и поднималась вторая гребёнка. И уже левая рука швыряла челнок, а правая подхватывала его, натягивала нить. Левая же пристукивала нитку к полотну. И так каждый день, отрываясь от станка только на приготовление и приём пищи, да для ухода за скотом, раздавался во всех избах тук-тук, тук да тук.

Стёпка с Верунькой всё время крутились рядом. Мальчонку мать научила наматывать на челнок нити, и он пыхтел. Иногда челнок выпадал из его ручонков, нитки сваливались с челнока, путались, и тогда Алёне приходилось помогать разобраться с неведомо как появившимися узлами.

– Мама, дай мне поткать. Надоело мне эти нитки мотать.

– Так ведь не дорос ещё – ноги до педалей не достанут.

– А я вот так пальчиками дотянусь. – Стёпка вставал на цыпочки, показывая, как он будет доставать педали.

– Ну, ладно, садись, пробуй.

Мальчишка усаживался на табуретку у станка и почти сползая с седушки, нажимал ногой на педаль. Силёнок не хватало, гребень не хотел опускаться вниз, раскрывать зев между нитями основы. Ребёнок пытался просунуть в зев между нитями челнок, но он утыкался в нитки и не пролетал к другому краю полотна.

– Видишь, я же говорила, что не дорос ещё ты. Будущей зимой за станок сядешь.

– У-у-у ... будущей.

В марте, когда солнышко начинало пригревать, и на снегу появлялся наст, все огороды в деревне были застелены полотнами ткани. Натканное за зиму полотно отбеливалось на снегу, становилось мягче. До начала полевых и огородных дел надо было ещё успеть нашить из полотна исподнего, простыней, да наволочек.

Алёна спешила. Мужики скоро могут вернуться со жгонки. К их приезду надо убрать станок из избы, он вон, сколько места занимает.

Мужики писали редко: первое письмо от них получили в ноябре, Лёшка писал, что доехали, устроились и начали работать. Отец съездил в райцентр, оформил патент. Второе письмо пришло после новогодних праздников. Письмо было короткое: заказов много, работаем. Прошлую зиму Лёшка писал часто, да и письма были длиннее. Сын описывал в какой деревне остановились, какой народ там живёт, что едят и как одеваются. В конце письма и Андрей небольшую приписку делал. А этой зимой уж очень скупыми были письма, и Алёна беспокоилась: «Уж не случилось ли что?».

Опасения Алёны оказались не напрасными. Отец с сыном вернулись взъерошенными, как два петуха на курином подворье. На вопросы не отвечали – огрызались. Невозможно было понять, какая кошка пробежала между ними в Башкирии.

Андрей, как всегда, возвращаясь с заработков, сел за стол и начал вытаскивать из всех карманов и узлов, завёрнутые в клочки газет деньги. Банкноты складывались в стопочки по номиналам и начинался счёт.

– Маловато, мать, мы нонче заработали. И шерсть у людей была, и заказов много, а вот азарта заработать – не было.

– Ну да ладно. Хватит, поди, нам свадьбу справить, да одежонку школьникам прикупить. А на еду-то и здесь, заработаем. Вот только Лёшку-то в леспромхоз вряд ли опять возьмут.

– Мама, чего ты переживаешь. Не возьмут – весной на сплав пойду. За две-три недели не меньше, чем за всё лето заработаю.

– Хорошо бы. Ой, чего это я лясы точу – побегу баню топить. Помыться вам надо. Глашка! Чистите картошку, пожарим к ужину. А ты, Вася, поди в чулан, наруби в кадушках капусты, да брусены – пусть оттаивают. А потом из погреба грузди принеси, – раздала указания Алёна и пошла топить баню за домом.

Мужики в баню вместе не пошли.

– Пусть отец сначала идёт. Я потом попарюсь.– заявил Лёшка.

– Ну, тогда я с отцом пойду, хоть попарю его там.

На душе у Алёны было пакостно. Видать серьёзный разлад произошёл у отца с сыном. Она надеялась, что может быть в бане Андрей скажет ей что. Да напрасно, ничего не сказал муж. Только спустя несколько лет выяснилось – не поделили малый да старый молодую бабёнку. Сначала она с Лёшкой кувыркалась, а потом к Андрею переметнулась. Вот Лёшка и закусил удила. Обиду и зло затаил в душе.

Перед уходом в баню Алёна велела Стёпке сбегать к Прохоровым, да Афониным и забежать за Юрасихой, к ужину всех позвать.

Стол на сей раз ломился: кроме домашних припасов нарезали пахучей, аппетитной колбасы целую тарелку, конфет миску с горкой насыпали, бубликов полная чашка, да ещё селёдка – не ржавая, а чистенькая, жирная – блестит боками.

– Андрюха! Где такого добра понабрал?– спросили чуть ли не хором два Николая.

– В Горьком. Пришлось в очередях постоять.

Застолье затянулось чуть ли не до полуночи. Обсуждали жизнь деревенскую. Про перспективы поговорили.

– Народ оклёмываться стал, – заявил Николай Афонин, – землю под дома на том краю перед школой берут. Срубы по весне ставить начнут. Домов, почитай тридцать собираются построить.

– Построят, а что потом делать будут? Леспромхозы то лет через десять сворачиваться начнут. Лес в округе уже почти весь выпилили. С одной стороны лагерники жмут, с другой наши.

– Лесу, Коля ещё много, да и молодняк подрастёт.

– А что вырастет? На вырубках одна осина, да берёза поднимаются. А сосна... – ей лет восемьдесят расти надо. Оставляют семенники сосен двадцать-тридцать на десятки гектаров вырубки. Надеются, ветром семена разнесёт, лес сам поднимется.

– Теперь сажать будут. В лесничестве питомник завели. В леспромхозе какой-то агрегат закупили. Цепляют его к трактору, тянут, а он борозду делает, а в неё малюсенькие сосенки да лиственницы втыкают.

– Ну может быть так-то оно лучше будет, – согласился Николай Прохоров.

– А что, Николай Иванович, в колхозе то дела налаживаются? – Спросил Андрей Афонина.

– Налаживаются. В этом году деньгами народ на трудодни получит. А потом, поговаривают совхоз создавать будут. Все колхозы нашего сельсовета в него соберут.

– Как же управлять такой громадиной будут?

– Так в каждой деревне управляющие будут, а над ними общий директор. Так же, как в леспромхозе. Начальников лесопунктов много, а директор один.

– Хватит, мужики, разговоры говорить – вмешалась Нюра Юрасова, – расходиться пора – на работу завтра. Да, и Андрею с Лёшкой отдыхать надо.

Перед уходом Алёна каждому сунула по кулёчку. Конфеточек да бубликов туда положила штук по пять.

– Детишек угостите.

Целую неделю Андрей праздновал с друзьями да соседями возвращение со жгонки. Водка лилась рекой. Алёна не успевала подавать закуску немудрёную.

– Я, Иван, вот, что думаю – Андрей стукнул ладонью по столу, – надо мне другим ремеслом заняться.

– Каким же это, Андрюха?

– Тут Николай Афонин на днях баял, что многие дома новые собираются ставить. Думаю столярничать начать – рамы оконные делать.

– Чем ты их, рамы, делать будешь? Пальцем что ли?

– Почему пальцем? Вот поеду на той неделе в город, накуплю инструмента, рубанков, фуганков, на пилораме закажу заготовок, они до лета подсохнут. А летом и столярить начну.

– А ты хоть рубанок в руках когда-нибудь держал?

– Не велика хитрость. Я и сапог раньше не шил. А научился. Лучшие сапоги в округе шил. Во!!

Выйдя из запоя, Андрей своего намерения столярить не забыл. В среду рано поутру поковылял в диспетчерскую, чтобы на какой-то попутке добраться до Первомайки, а там на автобусе в Юрьевец, там говорят, в скобяном магазине всякого инструмента видимо-невидимо. Там и со знающими людьми можно будет поговорить, узнать какой конкретно инструмент купить надо. Оказалось, что кроме ножовок, рубанков и фуганков нельзя обойтись без отборников, угольников, рейсмуса да калёвок. Целый баул приволок Андрей из Юрьевца всяких столярных придамбасов. Вечером выложил все покупки на стол – полюбовался:

– Поглядите! Красота какая!

– Поди все деньги на эту красоту истратил? Забыл видно, что свадьба у нас на носу.

– Ничего я не забыл. Остались ещё деньжонки то. Да вот с этой красотой ещё заработаем. – Андрей погладил ладонью фуганок. – Завтра поговорю с мужиками, которые строятся собираются, какие окна они думают в своих избах ставить. Раздвижные али распашные. Да и за дело возьмусь.

Всю следующую неделю Андрей ходил то на пилораму, то в кузницу. Заказывал брус, какие-то приспособления к верстаку. Когда все приспособления были готовы, Андрей в задней избышке начал оборудовать рабочее место.

– Андрей! Не слишком ли рано ты всё это затеял? Ведь заказов ещё нет, да и материал сырой. Когда ещё брусья то высохнут?

– Как раз ко времени и высохнут.

А чтобы заказы пошли – я сначала в своей избе новые рамы поставлю. Поглядят, оценят.

В хлопотах да заботах прошёл остаток зимы. С застрех уже не капало, а лило ручьями. Жухлый снег осел. По проулкам потекли первые ещё робкие ручейки. Пацанва мастерила из сосновой коры лодочки с парусами да отправляла их в плавание. Все кроме Верунки ждали конца учебного года. Василка готовился к экзаменам – седьмой, последний класс заканчивал. Миша свой первый заканчивал, а Стёпка уже четвёртый. У Глашки на уме одно замужество. Всех своими разговорами доставала. Андрей днём хлопотал в избышке, а по вечерам из свинцовой проволоки рубил и катал дробь, набивал патроны, готовился к весенней охоте на тетеревов.

Лёшку, как и полагали, в леспромхоз не приняли: « Не нужны нам такие работники – зимой на жгонку, летом в лес.» парень не очень расстроился. В сплавной конторе его с удовольствием записали в артель на сплав леса по Мормозу.

Но вдруг как гром среди ясного неба. Глашка вернулась с работы вся зарёванная, сопли на рукава наматывает.

– Глашка! Что стряслось то? – Алёна посадила дочь на скамейку, сама присела рядом.

– Ревизия в столовой была. Недостачу у меня обнаружили.

– Какую недостачу? Откуда?

– Не знаю-ю-ю – заныла Глашка, – на две тысячи продуктов не хватает.

Батюшки! На целых две тысячи. Да как это так можно.

– Не знаю-ю-ю..– опять проканючила Глашка.

– Ладно. Пойду позову отца из избышки, будем что-нибудь решать.

Выслушав дочь, Андрей вынес вердикт:

– Да, Валька Самохвалова всё это подстроила. Она ведь метила в заведующие. А тут тебя соплю назначили. Вот она и припрятала где-то перед ревизией продукты, чтобы тебя под монастырь подвести. Не хнычь. Заплатим мы эту недостачу, а Вальку на чистую воду выведем.

– Отец, как это мы все деньги отдадим? А свадьбу на что справлять будем?

–Хватит! – Прикрикнул на жену Андрей, – Что деньги? Деньги навоз – сегодня нет, а завтра воз. Заработаем. А ты, Глашка, приглядывай там за своими работниками. Не больно то доверяй.

Андрей оказался прав: недели через две нашлись в подвале за пустыми бочками мешки с мукой да крупой. А вот кто это сделал так и не выяснилось. Как говорится: « Не пойман – не вор!»

Весна в том год пришла дружная. Солнце в середине апреля припекло так, что снег начал таять на глазах, прозрачные искрящиеся на солнце ручьи со звоном текли по проулкам и улицам, размывали овраги у Колесовой да Прохоровой изб. Речка с каждым днём пухла, поднимала лёд в тихих заводях, а потом вода прорвалась и начала затапливать, правый пологий берег – до шохорки (мелколесье и кустарники) дошла, а по левому – под самые деревенские бани. В школе объявили каникулы, так как невозможно было даже в резиновых сапогах перейти потоки

талой воды в ложбинках у скотных дворов. Мужиков стали спешно собирать на сплав леса. По Чёрному Луху обычно лес сплавлять приезжали чужаки с Горчухи, Николо-Макарово, Красногорья и других деревень на Унже. Наших деревенских определяли на Мормаз – речушку малую, извилистую, да капризную. На каждом изгибе реки надо было выставлять посты, чтобы не давать брёвнам вставать поперёк русла. Чуть проморгал, и вот тебе залом. Брёвна, плывущие по реке сплошным потоком, в считанные минуты соберутся в одно большое скопище, встанут на дыбы. Тогда уж одному постовому не справиться. Надо созывать всех рядом стоящих сплавщиков, чтобы баграми одно за одним вытаскивать брёвна из залома и отправлять их в плавание дальше.

– Лёшка! Ты смотри аккуратней там, – говорила Алёна, складывая в котомку тёплые вещи для сына. – Я Николая попросила, чтобы он вас молодых рядом с опытными мужиками поставил. А кто ещё из ребятишек то идёт на сплав?

– Много, мама. Славка Афонин, Пашка Соколов, Вовка Яшин, Толька Анисимов.

– Держитесь друг дружки.

– Да уж, как-нибудь справимся.

– Вот я тут тебе портянок да носок тёплых положила, штанов да подштанников про запас, чтобы переодеться, если намокнешь... по утрам то ещё холодно будет.

– Ладно! Мама! Мы уж не маленькие – на следующую осень в армию пойду. Не переживай! Дядя Коля у нас десятником будет, если что, поможет, подскажет.

– А багор то запасной взял?

– Конечно взял. Давай котомку, пора мне уже.

– С богом, Лёшенька! Береги себя.

Лёшка вышел из избы, взял стоящие у стены багры на длинных метра по четыре шестах и пошёл широким мужским шагом. Мать проводила сына крёстным знаменем.

Машины привезли сплавщиков к бараку, построенному километрах в двенадцати от устья Мормаза. Начальник сплава участка – кряжистый, уже в годах мужчина собрал вокруг себя десятников и начал распределять участки:

– Симанов! Павел Гаврилыч! Ты со своими орлами занимаешь с первого по десятый пост. Это от переката и до рамени. Беляничев Николай со своими занимает посты от рамени до мостика. Прохоров Николай – от мостика и до охотничей избышки, а от избышки и до устья – бригада Назарова Андрея. Сегодня же пройдите свои участки и определите, где выставить посты. Потапов Михаил со своими работает на нижнем складе – брёвна со штабелей в реку сбрасывает.

Раздав все указания, начальник участка зашёл в барак проверить кровати, кухню, наличие сушил для одежды и, убедившись, что всё в порядке, уехал. Десятники завели своих людей в барак, определили каждому спальное место.

– Располагайтесь. Я пойду посмотрю наш участок, определюсь, где ставить посты, – сказал Николай и ушёл.

Часа через два он вернулся, собрал бригаду вокруг себя, вытащил из кармана телогрейки листок и развернул его.

– Вот схема нашего участка. Крестиками я пометил посты. Все они на самых проблемных участках реки. Восемь на нашей стороне, два – на противоположной. Их я закрепляю за Яшиным и Соколовым – они уж не первый год на сплаве. Первогодков расставляю по этому берегу. Завтра подъём чуть свет, завтракаем и на посты. Ножи и бутылки пустые все с собой взяли. На обед выдадут каждому сухой паёк и компот. Нож нужен открывать консервные банки. О ваших обязанностях скажу завтра при разводе по постам. Ужин будет в восемь. Сразу после ужина всем спать. Утром, чтобы все как огурчики были.

На востоке чуть заалело, когда десятники скомандовали подъём. Плотно позавтракав гречневой кашей с тушёнкой и получив от поварахи по банке рыбных консервов и по краюхе

хлеба, сплавщики отправились на свои участки. Помимо багров они взяли с собой топоры и по десятку металлических скоб, чтобы обустроить из первых, приплывших к ним брёвен отбойники, или на скорую руку соорудить плотики из двух брёвен – вдруг перебраться нужно будет на другой берег.

У незатейливого мостика с четырьмя сваями, на которые были уложены поперечины и скреплены скобами три бревна, бригада Николая Прохорова остановилась, а Назаровская пошла дальше к своему участку.

– Здесь остаётся Михаил Плескачев. Миша, как появятся брёвна – сразу сделай отбойники от свай к берегу, чтобы затора между сваями не образовалось.

– Не впервой, знаю. Я и прошлой весной на этом посту стоял.

– А теперь слушайте все – обратился десятник к бригаде, – хорошо обустройте пост – облегчите свою жизнь. На каждом посту я скажу, что нужно сделать. И чтобы никаких отговорок. Не выставите правильно отбойники на изгибах реки – замучаетесь разбирать заломы. И ещё помните, если лес вдруг перестает плыть к вашему посту, значит выше у кого-то затор. Не мешкая идите туда на помощь.

– А если это не на нашем участке? Зачем нам туда идти? Пусть сами разбираются, – перебил десятника Толька Анисимов.

– Это что за разговоры? Здесь всё общее. И поймите, чем больше брёвен соберётся в заломе, тем труднее его разобрать. А потом брёвна поплывут скопом и не исключен залом на следующем повороте реки. Поняли?

Оставив у мостика Михаила, десятник повёл свою бригаду дальше. На последнем посту у охотничьей избышки Николай поставил Лёшку Сазонова.

– Ниже тебя на посту будет Егор Тарасиков. Он опытный сплавщик. Он стоит рядом за поворотом. Если что – кричи. Он услышит и придёт помочь. Да и я буду постоянно ходить по постам. Так что не робей, племянник, справишься. Ну-ка подумай, как отбойники будешь ставить?

– Дядя Коля, наверное надо вот отсюда – Алёшка показал на берег метрах в десяти от изгиба реки – и вот до сюда, чтобы брёвна не утыкались в берег.

– Правильно соображаешь. Но сделай не просто отбойники, а боны в два-три бревна, чтобы по ним ходить можно, и багром направлять брёвна в русло.

– Хорошо! Сделаю.

Первые брёвна приплыли к лёшкиному посту, когда солнце стояло уже высоко. Помня наказ десятника, парень загодя вырубил в лесочке за избышкой длинные колья, чтобы ими закрепить боны у берега.

Зацепленное багром бревно никак не хотело вставать в нужном месте. Быстрое течение реки разворачивало его и пыталось утащить дальше. Наконец Лёшке удалось прижать к берегу два бревна, быстро скрепив их скобой, вбил между брёвнами кол в дно реки. Затем выловил ещё два бревна и, скрепив их скобами, сделал из них плотик. Теперь оставалось скрепить эти два плотика между собой, вытянув их в длинную нить, оградив излучину реки. Порядком попутев, Лёшка наконец выстроил ограждение и, стоя на бонах, направлял пока ещё редко плывущие брёвна в русло. Часа через два брёвна поплыли сплошным потоком, и Лёшка направлял только те, которые норовили развернуться поперёк и готовы были своими концами уткнуться сразу в оба берега. Первые часа два паренёк управлялся багром, как бы играючи – легко выкидывал длинный шест на середину реки, а потом, багор стал вдруг тяжёлым, неподъёмным. А брёвна плыли всё гуще, и чуть ли не каждое норовило перегородить реку на изгибе. В голове крутилась единственная мысль: «Только бы выстоять, не дать образоваться залому.»

Под вечер на пост подошёл десятник:

– Ну как, Лёшка, справляешься?

– Пока справляюсь. Вот только лес чего-то прёт и прёт.

– Там наверху залом был – брёвна скопились. Скоро пореже поплывут – передохнёшь. Николай оглядел окрестности около поста и снова подошёл к племяннику:

– Завтра возьми с собой ещё скоб и продолжи боны подальше на берег.

– Зачем боны на берегу?

– Суходол разыгрался – воды в овраге море. Завтра после обеда выплеснется в Мормаз и река разольётся ещё шире, а твои боны окажутся чуть ли не посередине реки, брёвна набьются за них и могут развернуть их поперёк реки.

– А... ну ладно. А в барак то скоро?

– Думаю часика через полтора. На нижнем складе уже зашабашили. Как брёвна по одному начнут плыть, так и сворачивайся.

Прогнозы Николая оправдались, после полудня следующего дня, вода в реке стала прибывать на глазах. Лёшка и не заметил, как положенные им на берегу боны оказались в воде. Только концы брёвен, метра по два, ещё оставались на суше. Постовой наблюдал, как брёвна тыкались концами в бон, отскакивали от него и плыли дальше по руслу реки. Не будь этих бонов, брёвна скапливались бы у берега, а потом развёрнутые потоком воды перекрыли бы реку на изгибе. Лёшка ходил по бонам, иногда подталкивал брёвна, выправляя их курс.

И всё-таки на пятый или шестой день залом на посту у Сазонова случился. Да ещё такой, что вся бригада Андрея Назарова сбежалась на помощь, а Николай Прохоров дал команду по цепочке передавать, чтобы на нижнем складе часа на два прекратили сбрасывать лес в реку.

День выдался удивительно тёплым. Солнце пригревало так, что Лёшка расстегнул телогрейку. Брёвна по одному проплывали мимо. Парень вместо того, чтобы выяснить, не случился ли выше залом, сошёл с бонов и уселся отдыхать на тёплый от солнечных лучей большой валун. По телу прошла истома, и Лёшка провалился в сон. Разбудил его неистовый мат Егора Тарасикова:

– Спишь, б...! Посмотри, что в реке твориться!

Алёшка вскочил с валуна, как паралитик, закрутил головой. Брёвна стояли сплошной стеной от изгиба речки и до куда было видно русло. Егор, что есть мочи заорал:

– Все быстро бегите сюда! – А сам начал багром растаскивать брёвна. – Чего столбом встал?! Давай шевели копытами! – Прикрикнул он на растерявшегося сплавщика.

Лёшка не знал, что надо делать в такой ситуации. Ему не приходилось разбирать заломы, и он подойдя к Егору, спросил:

– Что делать, дядя Егор?

– В носу, этъ твою... Ковыряться. Цепляй багром бревно, которое поперёк, и разворачивай его, проталкивай в русло!

Вскоре разбирать залом сбежалась вся бригада с низовых постов, сверху прибежали те, до чьих постов добрался залом. С криками, матом, улюлюканьем мужики растаскивали сбившиеся в сплошную массу брёвна. А сверху брёвна всё напирали и напирали, вставляли дыбом, утрамбовывали залом у изгиба реки. Только часа через три, полутора десяткам крепких мужиков удалось растащить залом, и то, благодаря тому, что на нижнем складе не работали.

Первым убежал на свой пост Егор, за ним потянулись и другие. Вся эта масса брёвен, отпущенная в плавание, могла в любой момент встать у другого изгиба реки. И тогда – всё начинай по новой.

Вечером после ужина Николай Прохоров собрал вокруг себя бригаду.

– Вот видите, что получилось сегодня из-за разгильдяйства одного постового. Уснул он видите ли на рабочем месте. Спать надо было у материной юбки. А коль записался в сплавщики – будь добр... Тебе Лёшка, будет снижен коэффициент на оплату. А для всех остальных это должно быть хорошим уроком. Всё поняли?

– Поняли. Поняли, – пробурчали в ответ члены бригады.

– Тебя, Лёха, к девкам после сплава не возмём, а то ещё уснёшь в самом интересном месте, – улыбаясь, отпустил реплику Славка Афонин. – А за конфуз этот надо бы вклеить тебе десяток щелбанов, и лучше лепетитных.

– Всё – хватит балагурить. Перекур и спать, – подытожил десятник, достал кисет, набил махоркой козью ножку, прикурил и отошёл в сторону от бригады. Он знал, что никто сейчас спать не пойдёт, а будут вспоминать, какие ещё нелепые истории случались со сплавщиками. Через какое-то время Николай услышал хохот. Бригада смеялась над очередной байкой бывалого сплавщика.

Следующим утром при разводе бригады по постам десятник внимательно посмотрел на уровень воды под мостиком.

– Михаил! Вода всё прибывает, гляди того брёвна за настил цепляться будут.

– Ничего, дядя Коля. Если что, я настил быстро сниму. У меня и лом здесь припасён.

– Молодец! Чуть что – зови соседей на помощь.

Когда подошли к охотничьей избушке, Николай положил руку на плечо Алёшки:

– Не подкачай, Алексей! Случилась вчера оплошность. А у кого их не было. Боны поправь! Видишь, как их вчерашним заломом в берег вдавило.

– Да счас же и поправлю. У меня вон колья у избёнки стоят приготовлены.

– Ну, давай! – десятник снял руку с плеча племянника и пошагал вверх по течению реки.

На десятый день сплава Лёшка заметил, что брёвен в реке практически не стало. Так по одному – два плывут по течению. Он решил, что где-то выше по реке залом и заспешил на выручку. Метров через триста, его встретил десятник.

– Куда летим?

– Так, залом, наверное там – брёвна плыть перестали.

– Всё нормально. Брёвна уже заканчиваются. Все штабеля уже разобраны. Нижние ряды вмёрзшие в лёд остались. Вот мужики их там ламами выкорчёвывают и сбрасывают в воду. Завтра, верно, шабашить будем. Так, что не суетись.

Вечером у барака собрали всех сплавщиков. Начальник участка доложил, что завтра сплав заканчивается. Утром весь свой скарб соберите в котомки. Машина ваши пожитки заберёт. Мы же всей ватагой пойдём до устья. Будем зачищать берега от брёвен, разбирать отбойники и боны. Скобы не выбрасывать, а забирать с собой, на следующий год пригодятся. Завтра, как только последнее бревно будет отправлено в Лух, собираемся все на поляне, на дальней горе. Там и подведём итоги. Выйдем пораньше, чтобы к обеду на поляне быть.

Утром, сложив свои котомки у дверей барака, сплавщики двинулась вниз по течению реки. На каждом посту задерживались, вытаскивали из отбойников и бонов скобы и отправляли брёвна в плавание. К полудню, как и планировали, последнее бревно из Мормаза было передано Чёрному Луху, и оно поплыло дальше к Унже реке.

На большой поляне дальней горы сплавщиков ждали машины с их пожитками, и ещё стояла орсовская машина с продуктами. День был солнечный – припекало по-летнему.

Земля на поляне дышала теплом, поддерживая жизнь тонким, зелёным усикам травы. с высокого берега было видно русло реки, по которому стремительно неслись брёвна, то вращаясь вокруг своей оси, то кружа и сталкиваясь с себе подобными.

Начальник сплавного участка вышел на середину поляны и начал речь.

– Я от имени руководства сплав конторы, партийного комитета и профсоюза благодарю всех за ударный труд. За короткий срок по большой воде мы сумели сплавить более десяти тысяч кубометров леса, который ждут строители, корабли и авиационные заводы... – оратор ещё долго распространялся о важности древесины в народном хозяйстве страны, пока подошёл к главному, чего и ждали от него все сплавщики.

– Общая сумма денег, заработанных участком, составляет шестьдесят восемь тысяч рублей с хвостиком. Распределяться они будут по представленным десятниками ведомостям, с

учётом конкретного вклада в общее дело каждого. Надеюсь, что где-то через неделю вы сможете получить зарплату в кассе лесопункта. А теперь, без толкотни – по одному подходите к машине. Вам каждому будут выданы продуктовые наборы.

Над поляной поднялся гул одобрения, сплавщики, как муравьи, облепили орсовскую машину. Продуктовые наборы для того времени были сказочным богатством: две банки тушенки, две банки рыбных консервов, килограмм сахара, пачка крупы, буханка белого, из муки высшего сорта, хлеба, кусок полукопчёной краковской колбаски и бутылка водки. Одни из сплавщиков, в основном семейные, получив продукты, сложили их в котомки и отправились по домам. Молодёжь, да и пожилые любители выпить, сбивались в небольшие группы, усаживались в кружок и начинали праздновать. До позднего вечера в деревне на другом берегу реки, слышали песни и приступы хохота мужиков.

Утром к Сазоновым заглянул Николай.

– Здорово, Алёна! Как сплавщик, живой?

– Дрыхнет вон. Надо же было до такой степени налакаться. Чуть ли не на карачках приполз.

– А хоть из харчей-то что-нибудь принёс?

– Принёс. Сахар, тушенку, да полбуханки хлеба. Так мелкие хлеб тут же и смолотили. С мартовских выборов беленького то не видели.

– А Андруха то где?

– Да, чуть свет с Василком на речку к банькам пошли. Брёвнышек ровненьких выловить. Досок надо надрать, а то вон за избушкой в задах, весь забор сгнил. Если подходящих брёвен выловят, так попилят, да в баню сложат, а уж потом ночью домой перетаскаем. А твои то дома?

– Татьяна тоже, чуть свет с девчонками в село ускакали. Обувь какую-то, говорят, в сельпо завезли. Может сандайки девчонкам на лето купит.

– В наших то магазинах обуви совсем никакой нет. Веруньке тоже надо бы сандайки. Ну да ладно. Сплав закончится, может и к нам что-нибудь завезут. Навоз то ещё не выкидывали?

– Завтра наверно, буду.

– Да уж пора. На берёзах листочки проклюнулись. Картошку скоро сажать. Солнышко хорошо пригревает.

– Так я Лёшку завтра пришлю – поможет.

– А сами то когда?

– Послезавтра скорей всего.

– Ну я пойду – сказал Николай, скручивая козью ножку. – Вы уж Лёшку то сильно не ругайте. Не рассчитал – лишнего выпил.

– Да, что ругать – то. Не один, чай, пил – за компанию. Ну ты иди, а я к мужикам побегу, проведаю. Может помочь им надо.

Николай ушёл. Алёна похлопотала что-то в упечи, сунула ноги в калоши и пошла к речке. У бани Андрей с Васей пилили брёвна.

– Ну как, наловили?

– Наловили. Ровненьких пять брёвен вытащили. Вот посмотри.

Андрей кончиком топора подцепил волокна бревна и потянул. Волокно выдиралось прямо по всей длине.

– Хорошо драться на доски будет, – заметила Алёна.

– Так прежде, чем вытаскивать, мы каждое бревно в воде проверяли.

– Василко! Давай мы с тобой быстренько брёвна допилим. Пускай отец отдохнёт. Да уж и обедать идти пора.

Допилив последние два бревна и сложив полутора метровые чурбаки в предбанник, семейство пошагало в деревню.

Лёшка сидел на завалинке, курил. Видок у него был затрапезный. Голова трещала. Во рту сохло, а на душе кошки скреблись.

– Ну, что, очухался? – спросил сына Андрей, – не умеешь пить – не пей. А то нажрался как скотина.

– А как сам до пороссячьего визга напиваешься. Тебе можно? – огрызнулся Лёшка.

– Хватит вам! Сцепились... – Алёна уgomонила мужиков. – Идите, умывайтесь! Сейчас ребятишки из школы прибегут – есть будем.

Мужики за столом сидели насупившись и только Миша с Верунькой щебетали, как воро-бы на колхозном току:

– А я через овраг у скотного двора малявку на закорках переносил. Воды было по колено.

– Ой уж! Я и сама бы перешла, да ты не разрешил, сказал, что полные сапоги начерпаю.

– А вот из школы сама перешла. Вода почти ушла. Мелко стало.

– Столько же воды. Только ты переносить меня не захотел.

– Ноги не промочила, значит обмелел овраг.

– Хватит языки чесать! Ешьте! – приказал отец. – как стемнеет, чтобы никто не видел, пойдём из бани домой брёвнышки перетаскивать. А то днём Виноградов Валька так по берегу и шныряет. Всё высматривает, кого бы поймать на воровстве. А я, что пошёл бы воровать? Так, ведь, официально и палку не оформить. А сколько после каждого сплава по низинам леса гниёт, а взять не моги!

– Николай утром забегал. Завтра навоз из хлева собрался выбрасывать. Так я ему сказала, что Лёшку помогать пришлю, – сказала Алёна, откладывая в сторону ложку.

– Ну надо – значит пойду – выдавил из себя Лёшка.

– Ой! Чуть не забыла – встрепенулась Алёна, – Николай сказал, что Татьяна в сельпо ходила обувку девочкам покупать. Ты бы Верунька, сбегала к ним, узнала, что купили. Может и нам до вечера в сельпо сбегать. У тебя никаких сандалек на лето нет.

– Сейчас слетаю! – девочка выбралась из-за стола и стремглав помчалась к родственникам.

– Ну, раз Лёшка пойдёт к Прохоровым помогать, значит нам с тобой придётся доски драть, – сказал Андрей и ласково посмотрел на жену. – А сейчас я полежу – притомился что-то.

– Конечно, приляг. С пяти утра на ногах.

Андрей набросил ремни протеза на плечи, встал и вышел из избы на крыльцо покурить перед тем, как прилечь на кровать.

Часа через полтора вернулась от Прохоровых посыльная.

– Верунька, ты, что через Бориху, что ли ходила?

– Не через какую не Бориху. Просто поиграли с Любкой маленько. А в сельпо ходить не зачем. Тётя Таня сказала, что всё уже расхватили. Им только две пары досталось. На Галинку взять уже было нечего.

– Ладно, Бог с ними с сандалями. Садись делать уроки.

– Сейчас сяду. А Стёпка где у нас заболтался? Из школы уж все пришли. Опять верно у Шурки Абрамова в шахматы играет.

Шурка Абрамов, одноклассник Стёпки был маленького росточка. Одним словом, плюгавенький, но башковитый. Учился не хуже Стёпки. А вот в шахматы ему не было равных. Всех в деревне обыгрывал. Да и как же ему не обыгрывать: книжки разные да журналы про шахматные игры выписывал, читал, да тренировался все вечера напролёт. Манефа – мать его занятия одобряла: по закоулкам не шляется, с пацанами цигарками не затягивается. У Стёпки терпения играть в шахматы хватало до третьего проигрыша:

– Ох и засиделся я тут. Домой надо бежать, а то мать уже во все колокола звонит.

Так, или примерно так, заканчивались довольно частые игры в шахматы.

– Где шлялся? Мы уже пообедали. Я тебе, что отдельный стол накрывать должна? – с притворной строгостью встречала сына Алёна, а сама хватала ухват и лезла в печь за чугуном со щами.

– Иди в упечь поешь. Да уроки вместе со всеми садись, делай. Вечером брёвнышки из бани перетаскивать пойдём. Отец с Василком наловили да напилили.

– А, что брёвен то много?

– Всем хватит.

– Так может на таратайке перевозим?

– Не проедем на таратайке. Уренцов прогон весь трактором измеси. Ничего, на плечах перетаскаем. Много нас. За три захода управимся.

К концу мая с посадкой картошки на нижнем наделе и на лесной делянке управились. Грядки в огороде для посадки подготовили. Как земля прогреется, помидоры, капусту, свеклу надо будет повтыкать. Рассада то вон уж какая вымахала. Лук уже пёрышки из-под навоза просунул. Девчонки в палисаднике ромашки да мак посеяли, да ещё какие-то цветочки. Семян в школе выпросили у Марии Николаевны. Скоро черёмуха зацветёт. Похолодает. Так, что с рассадой придётся погодить. Вот в школе занятия закончатся, тогда и высадим, а там и сенокоса пора придёт – размышляла про себя Алёна, сидя у чела русской печи.

Андрей в родительской избушке на задах с утра до вечера пилил, строгал – оконные рамы мастерил. Заказов было много – народ строился. Срубы, поставленные прошлым летом, выстоялись. Можно окна и двери ставить. Роман Колесов тоже столярил, но он рамы делать не любил – больше по карнизам да наличникам промышлял. Красивые, ажурные у него получались наличники. Залюбуешься. У Андрея на такую кропотливую работу терпения не хватало. Да на протезе по лесенке немного напрыгаешь. А Роман десять раз с дощечкой поднимется, приложит её к оконному проёму, что-то карандашом нарисует и опять к верстаку. Зато у Андрея рамы получались добротные, створки прикрывались плотно и без скрежета, тёплые, одним словом, окна.

Вечером за ужином Алёна завела разговор о планах детей на каникулах. Старшие, понятное дело, были при работе, а вот младшеньких надо было делом занять.

– Вася! Ты чем заниматься будешь?

– Тятё столярить помогать буду.

– А ты, Стёпка, со мной на сенокос?

– Нет, мама, я на ремонт дорог пойду.

– Мал ещё дороги ремонтировать. Да и кто тебя возьмёт?

– Возьмут. Меня уже Маша Потапова, Надя Кузина и Маша Серёгина в свою артель записали.

– Ой, уж и записали?

– Да! И в конторе договорились. Я им в прошлом году помогал. Им понравилось.

– А кто же на покос да по ягоды со мной ходить будет?

– Мама, я и буду. Мне же четыре часа работать положено, а я целый день работать буду. Так, что через день выходной. Вот и буду с тобой косить.

– Не надорвёшься ли целый то день? – вмешался в разговор Андрей.

– Чего это я надорвусь? Выдюжу.

– Ну а Миша с Верой по дому да в огороде будете управляться..

– Понятно... Все деньги зарабатывать, а мы даром с утра до вечера грядкам кланяться должны, – пробубнил себе под нос Мишка.

– Не даром, а чтобы на столе еда была, да и одёжку на заработанные другими вам же покупать будем.

– Да ладно. Огород так огород – согласились младшие.

Разговоры разговаривали, а ложки по мискам стукали не умолкая. Андрей вытер рушником руки, губы и подбородок и выбираясь из-за стола сказал:

– Алёна! Ты мне собери с собой еды, я завтра на охоту пойду, на лосиной тропе посижу, а то уж надоело постные шти да похлёбку хлебать.

– А рано ли пойдёшь то?

– Да как солнце встанет, так и пойду.

– А куда?

– Да к стекольному. Там лес не валят – лоси не распуганы.

– Тогда я с вечера котомку то соберу. Сала то положить? В погребе ещё лежат ломтя три.

– Положи, только не режь. Я сам там порежу.

Солнце ещё не отцепилось от острых вершин елей на том берегу, а Андрей с котомкой и ружьём на плече уже ковылял по большой дороге в сторону Борихи. Идти было тяжело: протез глубоко проваливался в песок. Мужчина рывками вытаскивал протез из песка, но при следующем шаге он снова увязал в песке. Вскоре Андрею это надоело, и он выбрался с проезжей части на обочину. Протез теперь не проваливался, но при каждом шаге цеплялся то за кусты папоротника, то за корни вековых сосен.

Когда Андрей добрался до тропы, сворачивающей с большой дороги к стекольному заводу, солнце стояло уже высоко. Нательная рубаша охотника промокла до нитки. Пройдя метров пятьдесят по тропинке, Андрей присел на поваленное дерево отдохнуть. В лесу стояла такая тишина, что можно было услышать за версту писк комара.

Передохнув, Андрей поднялся с дерева и зашагал в сторону завода. Никто не помнит, когда этот завод работал. И его отец и его дед помнили только остатки разрушенных стен зданий, рядом с которыми в земле лежало много слитков разноцветного стекла, кирпичи облицованные изразцами. Рядом с развалинами зиял глубокий карьер, откуда черпали кварцевый песок для варки стекла, да ещё были видны остатки мельницы на реке. Так что, в какие времена варили здесь стекло – не известно.

С этими мыслями Андрей шагал по тропинке, уворачиваясь от нависающих веток, как вдруг громкое хлопанье крыльев остановило его. И в этот же миг он увидел довольно крупную тетёрку, налетающую прямо на него. Андрей рывком сбросил с плеча ружьё и стал им, как палкой, отмахиваться от птицы. Тетёрка отлетала на несколько метров и вновь нападала на человека. Андрей никогда раньше не оказывался в такой ситуации и не мог понять, что происходит. Он, помахивая ружьём, осторожно стал двигаться по тропинке. Шагов через десять он увидел рядом с тропой в траве гнездо, из которого торчали несколько жёлтых клювиков. Так вот в чём здесь дело. Тетёрка, охраняя своих птенцов, бесстрашно бросалась на человека. Андрей опустил ружьё и ускорил шаг. Птица ещё несколько метров сопровождала охотника, громко хлопая крыльями, и, наконец, поняла, что он не представляет угрозы её детям, успокоилась и вернулась к гнезду.

Весь оставшийся путь до реки Андрей переваривал случившееся и всё восхищался самоотверженностью тетёрки, готовой пожертвовать собой ради жизни детей.

Андрей шёл вверх по течению реки в надежде найти следы сохатых. Следов нигде не было. Тогда он развернулся и пошёл обратно. Метрах в трёхстах ниже того места, где он подошёл к реке, увидел лосиный водопой. Берег был изрыт копытами. Теперь надо было выбрать место на подветренной стороне, обустроить наблюдательный пункт и ждать.

Андрей знал, что за убийство лося, если узнают власти, будет серьёзное, вплоть до тюрьмы наказание, но необходимость кормить семью побеждала страх ответственности, и он каждый год заваливал по сохатому.

С надеждой, что лоси придут на вечерний водопой устроился поудобней на расстоянии уверенного выстрела от лосиной тропы и стал ждать.

Солнце уже начинало склоняться на запад, когда Андрей услышал треск ломающихся под копытами великанов веток. Вскоре к реке вышли два лося. Самец был крупный килограммов на восемьсот, самка гораздо мельче, видимо молодая.

Охотник прицелился. Хлопок выстрела эхом раскатился по лесу. Следом раздался второй выстрел. Андрей бил наверняка, чтобы лось подранком не ушёл в лес. Лосиха после первого выстрела одним прыжком развернулась и, ломая кустарник, на бешеной скорости убежала вглубь леса, а самец остался лежать на берегу, то поднимая, то роняя на землю свою огромную рогатую голову. По телу лося ещё некоторое время пробегали предсмертные судороги.

Убедившись, что лось наконец-то умер, Андрей подошёл к туше и начал её разделять, орудуя топором и острым, как бритва ножом. Примерно через час туша была разрублена на куски.

Андрей расстелил в неглубокую яму шкуру лося, сложил на неё мясо и укрыл его лапником. Потом он подошёл к воде, умылся, присел на траву и стал медленно жевать хлеб с салом. Перекусив и наполнив котомку кусками мяса, Андрей направился домой. Последние лучи солнца ещё кое-как высвечивали тропинку. Идти приходилось, осторожно ступая, боясь споткнуться о корни деревьев или напороться на сучок.

Домашние уже спали. Андрей разбудил Алёну, велел поднимать детей:

– Буди Лёшку, Глашку, Васю и Стёпку за мясом пойдём!

– Да как же по такой тьме идти то?

– Фонари возьмём. За деревней у Гарилей зажжём. А сейчас незаметно надо выйти.

Ребятня спросонья никак не могла понять куда и зачем надо в полночь тащиться.

– Не рассуждайте! Быстренько одевайтесь, берите пещерки и в поход!

Выйдя за околицу, Алёна с Андреем зажгли фонари и ватага Сазоновых зашагала по лесной дороге.

Нагруженные мясом пещера давили плечи, ноги глубоко проваливались в песок. Тяжелее всех было Андрею, сил у него совсем не оставалось. Культя была не в силах выбрасывать вперёд протез, и он как-то волочил его за собой. В паху саднило, видимо до крови растёр протезом. Но он не подавал виду и вместе со всеми шагал по дороге.

– Андрей! Устал, поди? – тронула мужа за руку Алёна. – Может присядем, отдохнём?

– Вот дойдем до Гарилей и там, в курилке посидим немного. Надо затемно добраться до дому, а то светать скоро будет, бабы на ферму пойдут.

– Да уж, если увидят, разговоров не оберёшься. А вдруг донесёт кто.

Посидев с четверть часа в курилке и дав отдохнуть плечам от тяжелых пещеров, семья снова двинулась в путь.

– Слава богу! Вроде никто не видел, – сказала Алёна, когда пещера были сняты с плеч и поставлены на лавку в родительской избе.

И тут вдруг раздался негромкий стук в окно. Алёна вздрогнула:

– Кто бы это?

– Сейчас погляжу. – Андрей подошел к окну. Под окном стоял старший Харымов.

– Андрюха! Делись, а то донесу, – полушепотом сказал старик.

– Сам бы пошел в лес, да поохотился, – скрипя зубами проговорил Андрей, – Ну заходи. Дам ногу.

Заполучив переднюю лопатку, стукач удалился, даже не сказав спасибо.

– Вот сволочь! Здоровые два мужика в доме, а семью прокормить не могут.

– Ой, да бог с ними, с крохоборами. Рябятишки, идите ложитесь спать, а мы тут с отцом до утра управимся.

Клевавшая уже носами ребятня быстро повскакивали с лавки и побежали в избу. Родители провозились с мясом до утра. Андрей рубил и резал на мелкие куски, а Алёна сыпала мясо солью и складывала его в кадушку. Ливер Алёна сложила в таз и понесла в избу – жаркое

готовить. Андрей еле доковылял до кровати в избе. Сбросил с культи протез. Кожа в паху была растёрта до крови.

– Алёна! Где у нас реваноль? Надо намочить тряпку да приложить.

– Какую тряпку! У меня где-то марля стиральная была. Только ты сначала поешь, а потом ляжешь. Я тебе марлю то и принесу.

– Да не хочу я есть.

– Тогда, хоть молока стакан выпей.

– Молоко, пожалуй, выпью.

Выпив молоко, Андрей лёг и сразу уснул. Алёна уже спящему мужу приложила в растёртый пах смоченную в реваноле марлю. Проснулся Андрей далеко за полдень от боли в сердце.

– Алёна! – позвал он жену, – Налей стопку водки – сердце уж больно давит.

– Так может, капель накапать?

– Не помогают мне капли, а водка боль снимет.

– Ладно. Сейчас налью.

Последнее время Андрей всё чаще и чаще прикладывался к рюмке, особенно после тяжелой и напряжённой работы. То ли водка действительно помогала снять сердечную боль, то ли выматывающая все силы работа становилась непосильной, и организм требовал разрядки, но выпитая рюмочка порой превращалась в двух-трёх дневные запои, из которых он выходил тяжело и долго, а выйдя, неистово опять хватался за работу.

Алёна сильно переживала за мужа: боялась и за его здоровье и за то, чтоб он не превратился в забубенного пьяницу.

– Андрей! Хватит издеваться над собой! Бросай свои жгонки и столярки. Без этих денег проживём. Вон на прошлой перекомиссии тебе вторую группу дали, пенсию повысили. Да и ребятишки теперь, какие-никакие деньги зарабатывают.

– В прошлом вторую дали, а в этом опять на третью переведут и пенсию урежут. Что прикажешь зубы на полку положить? – парировал Андрей.

– Какая полка! О чём ты говоришь. Посмотри, как другие живут и ничего, с голоду не пухнут. И мы проживём.

– Не хочу я, как все. Пока живой работать буду.

– Вот именно, пока живой, а если так прихватит, что ни водка, ни лекарство не помогут. Как мы без тебя будем?

– Хватит! Раскаркалась. Время придёт – все подохнем. Я две войны прошёл и живой остался не для того, чтобы на печке сидеть.

Алёна знала крутой и упрямый норов мужа, потому после каждого такого разговора уходила в чулан или на поветь и тихонечко там плакала и молила бога направить мужа на правильную стезю. Но бог то ли не слышал просьбы женщины, то ли считал, что работая до изнеможения и время от времени запивая, Андрей ведёт праведный образ жизни: заботится о семье, о детях, чтобы все были сыты, одеты и обуты.

Стёпка, как и обещал, работал на ремонте дороги по целому дню, а по средам и субботам девки давали ему выходные, в которые он вместе с матерью ходил по грибы и ягоды, и на сенокосе помогал: сено переворошить, сухое в копёшки складывать. Работу на дороге он считал лёгкой. Подумаешь, нарубить топором мелких ёлочек да сосенок, уложить их в выбитую машинами яму и, присыпав песком, утрамбовать ногами, а потом, когда поедет первая машина, пройтись по ямкам и подсыпать ещё песка. Иногда Стёпка срубал довольно высокую ель и волочил её к дороге. Девчата ругали его:

– Что ж ты такую дуру тащишь, пупок сорвёшь!

– Не сорву!

– Да и как мы её такую огромную в ямку положим?

– А я сучья у неё сейчас обрублю. Ствол вниз положим, а лапником сверху прикроем.

– Ишь ты, какой смышлёный.

– Да не дурак, – хорохорился мальчишка, но следующий раз рубил ёлочки и сосенки высотой не более метра. Сорвать пупок Стёпке не хотелось, хотя по правде сказать, он толком не знал, что это такое, но фразу эту среди взрослых слышал часто.

– Устал, поди за день то? – каждый раз за ужином спрашивала мать Стёпку.

– Да нет, мама, нормально. Только вот жарко очень – пить сильно хочется. Вода, что из дома беру, быстро кончается, приходится из ручьёв пить вместе с головастиками.

– Как с головастиками?

– Нет. Я воду кепкой зачерпываю, вода через тряпку течёт, я её и пью.

– Значит бери с собой воды больше, а то ещё подхватишь какую-нибудь заразу. – наставлял сына отец.

– Тятя! А не ты ли меня научил так пить? Помнишь, когда мы с тобой на топухи ходили.

– Ну тогда у нас совсем воды с собой не было.

– Мама! А ты мне трёхлитровый бидончик дай, я в нём воду на работу носить буду.

– Так, работник, ты завтра у девчат на понедельник отпросись. В пятницу поедем с тобой в Горький за сахаром. Матвей Яшин на прошлой неделе ездил, говорит, что в одни руки дают только килограмм, а второй раз в очередь встанешь – продавщица не даёт. Приходится бегать по магазинам. А мы вдвоём-то в каждом магазине по два килограмма сможем купить. За день и наберём пуда два.

– А на чём поедем?

– На пароходе. В пятницу на орсовской машине до Первомайки, там на пароходик сядем, а в Юрьевце пересядем на большой пароход и до Горького.

– Ладно! Отпрошусь, а в следующую пятницу отработаю. – степенно ответил мальчонка, хотя внутри всё распирало от радости. Он никогда до этого не плавал на пароходе. Да не то, что не плавал, но и видел его только на картинке.

На пристани многолюдно. Но больше людей на берегу. Малолетнее население Первомайки собиралось к приходу парохода на берегу Унжи, у пристани, чтобы поглазеть как, посвистывая, белоснежная посудина причаливает и отчаливает.

Пароходик надрывно свистнул, выпустив из трубы, струю белого пара, и бочком начал продвигаться к причалу. Матрос с борта бросил на пристань толстую верёвку с петлёй на конце. На пристани её подхватил какой-то мужичок в форменной фуражке и ловко набросил петлю на какую-то рогатулину. Стёпка следил, как матрос натягивает верёвку, то наматывая её на два столбика, то снова снимая и подтягивая пароходик к борту пристани, которую почему-то называли дебаркадером. Наконец, судно пришвартовалось. Матрос и мужичок в фуражке открыли калитки, и матрос начал толкать дощатые с покорёженными перекладинами сходни с палубы на пристань, потом сбегал по ним на дебаркадер, поздоровался за руку с мужичком и тот час же вернулся на пароход, и махнул кому-то рукой. Из чрева пароходика потянулась цепочка людей с котомками и баулами. Когда сошёл последний пассажир, мужичок в фуражке скомандовал:

– Граждане обилеченные! Проходим по трапу на корабль! Билетики предъявляем вахтенному матросу. Не задерживаемся, проходим!

Когда Стёпка с отцом поднимались по наклонному трапу, матрос услужливо подхватил Андрея под руку:

– Аккуратней фронтовичек! Я тебя придержу маненько.

Десять лет, как закончилась война, а в народе всё ещё жива была память и сострадание к изувеченным войной людям.

Отец с сыном вошли внутрь парохода, устроились на диванчике у окна и ждали отплытия. Пароходик свистнул, судорожно задрожал и начал отходить от пристани. Ещё один протяжный гудок, и посудина, шлёпая лопастями колёс, поплыла вниз по Унже.

Стёпка, прильнув лбом к стеклу окна, смотрел на воду и далёкий берег. Река была широкая. Их Чёрный Лух даже в половодье, когда вода подходила к самым баням на высоком берегу, а на другом затапливала почти всю шохорку, чуть ли не до гаража, не был таким широким. По водной глади их речки при ветре весело бежала рябь, а здесь гребнями шли волны одна за другой. Видно было, как они били в берег.

– Тятя, тятя! А что это за белые домики стоят на воде?

– Какие домики?

– Да вон – вон, видишь?

– А. Это бакены. Они показывают пароходу дорогу.

– А, что на реке тоже есть дорога?

– Да, фарватер называется. Из него выплывать нельзя, а то можно на мель сесть или на топляки напороться.

Глядя на далёкий берег, Стёпке казалось, что пароходик ползёт, как черепаха. «И когда мы так до Юрьевца доползём?» – негодовал про себя мальчишка. – «Да ещё, то к одному, то к другому берегу пристаёт».

Скоро Стёпке наскучило рассматривать однообразные, покрытые лесом берега, и он откинувшись на спинку дивана, задремал.

– Эй, пассажир, спишь, что ли? – отец толкнул сына локтем в бок.

– Нет, не сплю. А что?

– Да так, ничего. Сейчас от Нежитина отчалим, а там и Юрьевец будет. Стёпка протёр глаза. Пароход уже отошёл от пристани, надрывно свистнул и запыхтел, зашлёпал колёсами по воде. Мальчишка повернул голову налево и не увидел берега.

– Тятя! А это что, река без берега, что ли?

– С берегами, только они далеко, за десятки километров. Здесь Унжа с Волгой сходятся. А плотина воду так подняла, что она затопила всё окрест.

– А что за плотина?

– Мы через неё проплывать будем. Сам всё увидишь.

«Если плотина перекрывает реку, как же мы через неё переплывать то будем?» – задумался Стёпка, но задавать отцу вопросов больше не стал, а разглядывал бесконечную волнующуюся воду. На подходе к Юрьевцу справа по борту он увидел какой-то странный, торчащий из воды шпиль. На бакен он был явно не похож, да и поднимался над водой довольно высоко.

– Тятя! А что это там такое?

Отец посмотрел по указанному сыном направлению.

– Это колокольня. Здесь Юрьевец раньше стоял до постройки плотины в Городце. Дома перенесли на горку, а собор и колокольню сломать не смогли – так и затопило их водой. Собора не видать, а колокольня была очень высокая, выше, чем в Высоковском монастыре, вот верхушка её и торчит над водой.

От Юрьевца плыли на большом пароходе. Андрей, чтобы сэкономить деньги купил самые дешёвые билеты. Места оказались в трюме. Затхлый воздух и какая-то невообразимая вонь выгнали отца с сыном на палубу. На носовой части палубы сидели и лежали десятки людей. Найдя свободное местечко, Андрей, подложив под голову котомки прилёг, а Стёпка уселся рядом и с интересом наблюдал за проходящими навстречу пароходами, катерами и баржами с лесом, песком, какими-то мелкими камнями.

Часа через два пароход, на котором они плыли, сделал два или три протяжных гудка и остановился. Стёпка поднялся и увидел, что впереди них стояло ещё несколько судов, перед которыми поднималась невысокая стена.

– Тятя! Тятя! Что это такое? Мы дальше не поплывём? – растормошил мальчишка спящего отца.

Андрей протёр глаза, приподнялся на локте и осмотрелся.

– Плотина. Скоро шлюзоваться будем. Не мешай! Мне спать охота. – проворчал отец и опять уронил голову на котомку.

Стёпка вертел головой и никак не мог понять, как они преодолеют эту стену. Вскоре он увидел, как рядом с передним пароходом часть стены начала медленно раздвигаться, и через какое-то время в стене образовались широченные ворота, через которые медленно выползал пароход, за ним второй и ещё два небольших катера. Выбравшись на свободу, суда дали протяжные гудки и, набирая скорость, поплыли вверх по течению.

Потом мальчишка увидел, как в ворота заползла длинная–предлинная баржа и ещё один небольшой пароходик, и ворота медленно стали закрываться. Их пароход запыхтел и медленно вслед за впереди идущим пароходом начал подходить ближе к стене.

Примерно через полчаса ворота в стене снова открылись и выпустили из глубины три судна. Потом их пароход вслед за впереди стоящим протолкнулся через ворота, и они оба замерли в каком-то ящике. Ворота за их пароходом закрылись, и Стёпка заметил, что стена по борту начала медленно-медленно подниматься. Мальчишка не мог сразу понять, что не стена поднимается, а это их пароход опускается вниз. Когда стены огромного ящика стали выше капитанской рубки, Стёпка увидел, что впереди открываются другие ворота, в которые они и будут выплывать из этого громадного ящика.

Когда пароходы выбрались на свободу, Стёпка обнаружил, что река за плотиной снова стала узкая, и можно было рассматривать дома на обоих её берегах. И куда подевалась эта бескрайняя волнующаяся водная стихия.

Во вторник на следующей неделе, Стёпка взахлёб рассказывал на работе девочкам о своей поездке в Горький, о высоченных домах, о широких и узких улицах, ярких фонарях, освещающих улицы ночью, и о том, как они с отцом бродили по этим улицам, в поисках бакалейных магазинов, где продавщицы отпускали им по килограмму сахара в одни руки.

– Целых два пуда сахара понакупили, – Стёпка для убедительности вытащил из своей торбочки с едой большой кусок сахара. – Вот какие головы. В обед поколем, съедем.

– Смотри не пожадничай.

– Не пожадничаю. Я не жлоб какой-то.

Сразу после Тихонова дня небо затянуло тучами и пошли, чуть ли не каждый день, проливные дожди. Дороги раскисли. Даже речка прибывать стала. В деревне только и говорили про погоду:

– С одной стороны хорошо, что дожди – трава подрастёт – покос будет хороший, а с другой, как бы не затянулось ненастье до Казанской. Тогда сена на зиму запасти не успеем. После Ивана Купалы небо расчистилось. Солнце припекало так, что земля парила. Воздух стал влажный – дышать тяжело.

– Андрей! Ты бы сходил в сельсовет, узнал, какую делянку нонче тебе под покос выделили.

– А чего узнавать то. Как всегда в девяносто третьем квартале.

– А вдруг в другом месте дадут поближе? Там по мелколесью немного травы насшибаешь. Попросил бы, может на ледянке нам местечко дадут.

– На ледянке покос не лучше – то же одни кусты да пеньки.

– Зато ближе.

– Ладно, завтра на велосипеде съезжу в село. Дорога уже просохла.

Делянку Сазоновым опять, как и все последние годы, выделили под Топухами в девяносто третьем квартале, километрах в шести-семи от дома. Натопашься туда и обратно каждый день. Хорошо если рабочих на лесозаготовки по пути возить будут. Тогда подвезут. А нет, так на своих двоих топать придётся.

Трава на делянке была высокая сочная. Одна беда, на полянках повсюду рос кустарник, а под вековыми соснами на бору, травы почти не было. Как любила говорить Алёна: « Мы не

косим, а тяпаем». И действительно все попытки Стёпки размахнуться косой, как мужики на заливном лугу у реки, не получались. С каждым размахом коса то пяткой, то носком упиралась в ветви кустов.

– Стёпка! Да не маши ты косой, все равно ничего не получится. Только косу сломаешь. Тяпай вот так. – Мать показывала сыну, заводила косу под куст и подтягивала её к себе. Хорошо отбитое и наточенное лезвие подрезало траву, и она покорно ложилась на землю.

Видя, что у мальчишки ничего не получается, Алёна решила дать ему другую работу:

– Стёпа, бери грабли, и сгребай после меня траву в небольшие копёшки и стаскивай их к остожью сушить.

– Вот опять грабли. А я косить хочу – покапризничал для порядку сын.

– Вот спустимся к долу, там и будешь косить, а здесь тапать у тебя не получается.

– Откуда начинать грести?

– Где косить начали, там и сгребай.

Мальчишка взял грабли и нехотя поплёлся к высокому сосняку. В бору было тихо. Не чувствовалось даже дуновения ветерка. И только иногда верховой ветер раскачивал вершины сосен, и они начинали скрипеть надрывно, нагоняя на Стёпку жуть.

Сгребёную в копёшку сырую траву малой складывал на расстеленную в двое верёвку, петлёй затягивал ношу и забросив её на спину, тащил на открытое место к остожью. Там он сбрасывал траву на землю и ровным слоем растрясывал её, чтобы быстрее просыхала.

Солнце стояло в зените, и мать позвала сына обедать. Еда была не ахти. Хлеб, картошка, два сваренных вкрутую куриных яйца, небольшой ломтик вяленой лосятины да холодный чай. Поели быстро.

Алёна поблагодарила бога за обед и предложила Стёпке отдохнуть:

– Давай полежим минутку, да и опять за работу.

– А почему минутку? Давай лучше часок поваляемся.

– Ну, часок не часок, а отдохнуть надо.

Немного отдохнув, Алёна растолкала задремавшего сына:

– Стёпа, ты сейчас сено, которое подсохло, переверни, а потом опять сгребай за мной.

– Так оно ещё не высохло.

– Сверху подсохло, а внизу сырое. Вот ты его и переверни на другой бочок – пусть быстрее сохнет

– К вечеру в копёшки сложим, чтобы от росы не взмокло. А завтра опять растрясём.

Мальчишка встал, потянулся и медленно пошёл к остожью. Потом встал на попавшийся, на пути пенёк и начал мурлыкать песенку:

«По долинам и по взгорьям

Шла дивизия в поход...»

– Стёпка! Ты, что концерты устраиваешь? Иди, вороши сено!

– Сейчас, мама. Вот ещё одну жалостливую песенку спою и буду ворошить. – ответил сын и откинув назад голову, запел:

« Не послушала она

Матери совета,

И уехала она

В край белого света...»

– Стёпка! В клубе петь будешь, а здесь работать надо.

– Ну, сейчас, допою и начну:

«Пойдём, сын, пойдём родной,

Здесь нас не примают.

Дунай – речка глубока,

Там нас ожидает...» – снова затянул сын.

Допев песню, Стёпка спрыгнул с пенька и быстро пошёл на поляну. Переворошив сено, он вернулся к матери, и начал нагребать копейки, складывать их на верёвку и перетаскивать на солнцепёк.

На следующей неделе, когда в свои выходные, Стёпка пришёл на покос, он удивился: вокруг остожья стояло штук пятнадцать больших копён сена.

– Ого! Сколько ты тут без меня натяпала.

– Да воза на два, наверное, будет. Сегодня стог метать будем.

Сначала мать и сын вместе вилами укладывали сено на остожье вокруг жерди, потом мальчишка был отправлен на стог, утаптывать и принимать навильники.

– Стёпа! Давай сужаться, стог вершить будем.

– Так, вон ещё, сколько копён осталось.

– Это на второй стог будет. Вот завершим этот и новое остожье делать будем.

Стёпка принимал сено, топтался вокруг жерди. Когда стог был свершен, причёсан граблями, Алёна пошла в лесок срубить тонкие длинные берёзки и липы, если попадутся. Вскоре она приволокла четыре длинных тонких палки с петлями на месте верхушек.

– Одевай петли на стоjar и опускай переметы на все стороны света.

– Север, юг, восток и запад, – приговаривал Стёпка, бросая вниз одетую петлёй на жердь очередную палку.

– Аккуратней спускайся. Не ломай причёску стогу. А теперь пошли в березняк жердей на остожье нарубим.

Алёна топором срубала молодые стройные берёзки, вырубала из них жерди метра на три, а Стёпка оттаскивал их на поляну.

Остожье было построено, и после обеда Сазоновы начали метать второй стог. Завершив его Стёпка скатился вниз. Вечерело.

– Ну вот, и слава богу – начало положено. Ещё стога четыре поставить, и корове с овечками хватит.

– Так это что, ещё недели две косить будем?

– Ну две не две, а если погода позволит, дён за десять управимся. Ближе к долу трава лучше будет – поспорей дело пойдёт. Айда домой, а то мы сегодня долго провозились.

Пологий длинный спуск к долу густо зарос высокой густой травой. Стёпка с матерью спускались вниз, чтобы оттуда начать косить. Стёпка не заметил лежащую в траве змею, а только почувствовал, что наступил на что-то мягкое. Змея вскинула голову и раскрыв пасть ткнулась в кеду около лодыжки. Стёпка отскочил в сторону и начал бить косою по змее, пока её не перерезал на несколько частей.

– Стёпка, что ты там делаешь?

– Змею убиваю. Она меня укусила.

– Как укусила? Куда? – Алёна подбежала к сыну. – Показывай куда укусила?

Стёпка стащил с ноги кеду. На ноге укуса не было, а вот на сером брезенте обуви были видны два коричневых пятна.

– Ну, слава богу! До ноги не добралась – весь яд на материи остался. Значит змеи здесь есть. Аккуратней надо.

Мальчишка натянул на ногу обувь и пошёл вслед за матерью к логу. Трава ровными валками ложилась после размашистой проводки косы. Валок у Стёпки был меньше, чем у матери, но у неё и коса была раза в полтора больше. Косили часа два без перерыва. Платье матери, и рубашка сына были мокрыми от пота, сели под развесистый куст отдохнуть.

– Ну вот, платье уже просохло. Пойдём валки разбивать, а то в таких плотных валках трава закиснет.

Разбитая из валков трава ровным мягким ковром покрыла всё скошенное пространство и прямо на глазах начинала скручиваться в лодочки. Солнце споро забирало из травы влагу.

С сенокосом управились к Ильину дню. Сметали восемь стогов сена, каждый по возу, а то и больше.

– Ну, вот, теперь на всю зиму скотина обеспечена. Да ещё и на следующую – должно что-то остаться. – Подвела итог Алёна, когда последний стог сена был причёсан, и Стёпка весело скатился по его крутому боку вниз.

– Ура! Теперь в выходные можно будет с ребятами в лапту и чуги поиграть, да и на посиделки сходить.

– Не заиграешься. Черника уже поспевает, а там и брусёна нальётся. Пока по ягоды да грибы ходим, а там и школа начнётся. Чай последний, выпускной класс. Посерьёзней к урокам то, надо будет относиться.

– Получается, и отдохнуть некогда.

– А ты, бросай свою работу и отдохнёшь.

– Бросай работу. Денег я хочу на суконный костюм заработать.

– Купит тебе отец суконный костюм к школе.

– Ладно, подумаю.

До середины августа Стёпка ещё ходил на ремонт дорог, а потом уволился. Ягоды да грибы тоже собирать надо было.

– Тётка Алёна! А ты завтра по брусёну пойдёшь? – подошла у колодца к Алёне Вера Пашутина – молодуха на сносях.

– Пойдём со Стёпкой. А что?

– Возьмите меня с собой.

– Верка, какая тебе брусёна! Ты не сегодня, завтра рожать должна. Тебе и наклоняться то нельзя.

– Можно. Думаю, неделю ещё не рожу.

– Ну смотри сама. Мне ягод не жалко. Пойдём, коль не боишься.

Утром втроём пошли с пещерами за дальнюю гору по ягоды. ягод было много. Алёна увлеклась сбором и не заметила сразу, что Верка сидела на земле, прижавшись спиной к стволу сосны.

– Верка! Что плохо?

– Да, что-то рези внизу начались.

– Домой надо идти. А, то ещё разродишься здесь.

– Стёпка! Иди сюда – домой пойдём.

– Да, что ты, тётка Алёна, я одна дойду. А вы оставайтесь, собирайте ягоды.

– Может, хоть Стёпка тебя проводит. Если, что так в деревню сбегает за помощью.

– Да уже отпустило. Одна потихоньку дойду.

– Ну, гляди, девка. Не разродись на дороге.

– Дойду, помаленьку.

Вечером, когда Алёна со Стёпкой возвращались из леса, их у моста догнала Нюрка Баскова, из магазина с хлебом бежала.

– Тётя Алёна! А у нас Верка Пашутина сегодня родила.

– Слава богу, дошла значит.

Тревога всю вторую половину дня терзала Алёну: « Не дай бог, не дойдёт, разродится посреди дороги. Бросить надо было все эти ягоды, да идти вместе с ней. Хорошо, что всё обошлось, а то бы казнила себя».

Грибы, ягоды, копка картошки, рубка капусты и пролетели конец лета и начало осени. Теперь можно было передохнуть за латанием детской одежки, а там и стан собирать, да холсты ткать.

За окнами быстро сгущалась темнота. В середине октября дни становились совсем короткими. Падal мелкий снежок вперемежку с дождём. Андрей сидел посреди избы на табуретке,

подшивая валенки. Сначала на крыльце, а потом в сенях раздался громкий топот. Видимо кто-то снег сбивал с обуви. Дверь распахнулась, и в избу влетела сестра Андрея Клавдия.

– Клавка, ты, что такая всполошенная? Стряслось что-то?

– Да ничего не стряслось. Бежала от Юрова – запыхалась. Прибежала сказать, что у нас сегодня скотину переписывали. Завтра к вам в Рымы приедут. Вот прибежала предупредить, чтобы поспрятали лишнюю то скотинку, а то такие налоги насчитают, что без порток останетесь.

– Спасибо, что упредила. Ну да ты, раздевайся. Алёна сейчас корову подоит – ужинать будем.

– А детвора то где?

– Старшие по друзьям да подружкам, а малышня на печи отогревается.

В избу вошла с подойником Алёна:

– Ой, Клавдия, здравствуй! Ты, что это на ночь глядя да по такой дороге прибежала?

– Предупредить о переписи скотины пришла. Ну, я Андрею уже всё сказала.

– Ну, ладно, посиди. Я сейчас молоко процежу, потом на стол соберу. А когда переписывать то будут?

– Завтра, с утра.

– Ой, батюшки! Ребятишки, быстро слезайте с печи. Василко, ты беги к тётке Матрёне, предупреди, а ты, Стёпка, к дяде Коле. Скажете, и сразу домой – ужинать будем.

– Мам, мы ещё не отогрелись.

– Я кому сказала. Одевайтесь и бегом, чтобы одна нога здесь, другая там. А то вон отец сейчас, ремнём пуганёт.

Мальчишки убежали. Клавдия скинула с головы мокрый полушалок, сняла телогрейку.

– Алёнка! Ты мне кипяточку налей. Попью, да и побегу обратно мне еще к Степаниде заглянуть надо, а то давно ее не видела. Как она там? Как ребятишки?

– Да ладно у них все. Погоди маленько. Поужинаем и пойдёшь.

– Дома поужинаю. У меня там шти с мясом наварены. Мы одного поросёнка дён пять, как закололи.

– Мы тоже на прошлой неделе одного зарезали, а то Алёшку скоро в армию провожать.

– Тогда, что? Я зря колготилась?

– Не зря. У нас ещё два осталось, да и овец десяток. Вот поужинаем да в баню на реке отведём.

Пока Алёна вытаскивала из печи чугуны, вернулись мальчишки.

– Вася, ты не знаешь к кому Лёшка пошёл?

– Откуда мне знать.

– Я знаю. Он к Толику Анисимову ушёл на гармошке учиться играть, – сообщил Стёпка.

– Вот и слетай за ним. Пусть быстро домой идёт. Скажи дело срочное.

– Что, всезнайка, напросился? Теперь скачи снова, грязь меси.

– А ты тоже знал, куда Лёха пошёл, но схитрил.

– Ладно, сиди. Я сейчас за Лёхой схожу, – смилостивился над младшим Василий.

Овцы шли к реке послушно, а вот годовалая свинья всё время визжа норовила освободиться от верёвок, тащила поводырей в сторону от дороги. Лёшка с Василком едва удерживали её. Поросячий визг, блеяние овец и мычание бычков и тёлок слышалось во всех концах деревни. Слух о предстоящей переписи скота моментально разлетелся по огромному в триста дворов поселению.

Ранним утром Алёна со Стёпкой отнесли в баню ведро пойла, сдобренного картошкой и буханкой ржаного хлеба для свиньи и большой мешок сена для овец, чтобы от пуза наелись и не выдали хозяев своим блеянием и хрюканием. Проверяющие в летние бани никогда не ходили, но на подворье заглядывали во все углы и щели.

Андрей всегда старался наладить с проверяющими отношения: выставлял на стол блюдо белоснежных аппетитных пахнущих груздей, бутылку казённой водки и приглашал к столу.

– Нет, нет! Мы на работе – нам нельзя. Вот разве на обратном пути заглянем.

– Заходите! Заходите! Ждать буду.

И проверяющие заходили. Кто же откажется выпить и закусить на дармовщину. Выпив, жаловались на свою тяжёлую и не благодарную работу. И уходили, пошатываясь, после опустошённой второй или третьей бутылки.

Стёпка неожиданно для домашних стал вдруг пописывать статейки, то про построенную за рекой новую колхозную ферму, то про строительство аэродрома за колхозным током, то сочинял стихи и всё отсылал в районную газету. Статьи его печатались, и он даже получал за них копеечные гонорары. Стихи почему-то в газете не появлялись.

Однажды в канун Нового года почтальонка принесла казённое письмо для Сазонова Степана. Это было письмо из редакции, в котором его, Степана Сазонова, приглашали на заседание литературного кружка и просили принести с собой новые произведения.

Редакцию Стёпка нашёл быстро. Она находилась в двухэтажном белом доме на втором этаже, рядом с центральной площадью. На первом этаже располагалась типография. Степан поздоровался с первым, встретившимся в коридоре мужчиной.

– Извините. Я приехал на заседание литературного кружка. Куда мне?

– Вам в кабинет редактора. Там уже все собрались. Идите, вам в ту дверь. В кабинете редактора около стола и вдоль стен сидели человек десять – двенадцать мужчин и женщин в возрасте. За отдельным столом сидел статный с сединой на висках лет сорока-сорока пяти мужчина.

– Это кто к нам пожаловал? – спросил редактор.

– Я Стёпа, Степан Сазонов из Рымов.

– Ах, Степан. Надо же какой юный. А судя по вашим заметкам, я полагал, что вам лет двадцать пять – тридцать. Приятная неожиданность. Ну, что ж, Степан, присаживайтесь на свободное место.

Редактор помолчал, почесал переносицу:

– Что ж товарищи, все в сборе. Начнём наше заседание. Как я полагаю все уже поняли, что в нашем полку прибыло. Это Степан Сазонов, он пишет неплохие заметки и очень плохие стихи. Но учитывая его возраст.... Кстати, Степан, а сколько тебе лет?

– Четырнадцать скоро исполнится.

– Очень юный возраст, – продолжил редактор, – можно надеяться, что он в скором времени будет писать и хорошие стихи.

– Товарищи! Вы не будете возражать, если мы сегодняшнее заседание лит группы, начнём с обсуждения творчества новичка? Степан, чем ты нас порадуешь?

– Два стихотворения и рассказ.

– Рассказ. Это интересно. Давай прочитай нам свой рассказ, а мы послушаем и оценим.

Стёпка раскрыл свою общую тетрадь и запинаясь начал читать.

– Ну, что ты запинаешься? Волнуешься что ли? Давай я прочитаю. Почерк у тебя хороший, судя по прошлым статьям.

Стёпа передал редактору тетрадь, и тот с выражением начал читать. Все внимательно слушали. Когда рассказ окончился, редактор отложил тетрадь в сторону, как-то многозначительно похмыкал себе под нос и спросил:

– Каково ваше мнение будет, товарищи? Высказывайтесь.

– Алексей Степанович! (Оказывается, так звали редактора) – поднялся грузный пожилой мужчина. – Можно я выскажусь?

– Конечно, Михаил Геннадьевич. Говорите.

Мужчина покашлял в кулак и начал:

– Если бы я не видел перед собой совсем юного автора, я бы решил, что рассказ написан вполне взрослым, состоявшимся человеком. Меня поразила психологическая глубина повествования. Сюжет очень интересен. У меня, если честно, появилось сомнение, уж этот ли мальчик его написал?

– Степа! Расскажи нам, как у тебя появилась идея написать этот рассказ? Что явилось толчком?

– Ничего. Я недавно прочитал сборник рассказов Джека Лондона и подумал, что я могу написать не хуже.

– Ух, какая высокая самооценка! Замахнулся на классика. И откуда всё-таки взялся сюжет?

– Да всяких сюжетов у нас в деревне полно, стоит только покрутить головой да мозгами пораскинуть.

– Всё правильно. Сюжеты вокруг нас. Надо только увидеть их и положить на чистые листы бумаги. Так у кого ещё, какие будут мнения о прочитанном?

Со стула поднялась молодая ухоженная женщина:

– Рассказ психологичен. Написан простым доступным языком. На слух воспринимается очень легко. Думаю, что после небольшой корректуры может быть напечатан.

Заседание литературной группы затянулось до позднего вечера. Практически все присутствующие читали свои произведения. Их слушали, высказывали своё мнение. Иногда возникали споры: авторы не соглашались с замечаниями своих товарищей.

– Степан, ты, где остановился на ночлег? – спросил редактор, когда все начали расходиться.

– В гостинице. А завтра утром на самолёте домой.

– Вот о своих впечатлениях, о полёте ты и напиши нам в следующей заметке.

– Попробую.

– Ну, давай! Счастливого тебе и творческой удачи. Рассказ твой опубликуем на литературной странице в конце января.

– Спасибо!

Домой Стёпка вернулся окрылённым. За ужином подробно рассказывал, как всё было в редакции.

– Писателем стать хочешь, что ли? – спросил отец.

– Не знаю.

– Если талант бог дал, то будешь, – после долгого молчания сказала мать.

Рассказ Стёпки появился в районной газете во второй половине января. Он занимал больше половины литературной страницы. И самое главное, что вверху рядом с названием рассказа довольно крупным шрифтом было написано: « Степан Сазонов », а внизу под текстом « д. Большие Рымы ». Так, что ни у кого не могли возникнуть сомнения, что рассказ написал именно он, Стёпка.

До конца учебного года в газете опубликовали ещё два рассказа новоиспечённого автора, и авторитет Стёпки в деревне рос, как на дрожжах. Увлечённый сочинительством, Стёпка запустил учёбу: то по одному, то по другому предмету в дневнике стали появляться троечки.

– Стёпа, ты, видимо, возомнил себя писателем и решил, что история и химия тебе ни к чему, – назидательно говорила Лидия Ивановна, учитель русского языка и литературы, задержав Стёпку в классе после уроков. – Запомни – все писатели были и есть высокообразованные люди. У тебя есть определённый потенциал, но это не значит, что ты станешь писателем. Так, что оставь свой гонор и начни заниматься – через два месяца экзамены. Подумай.

Стёпка стоял перед пожилой учительницей, потупившись.

– Хорошо, Лидия Ивановна, я всё исправлю.

« Да, надо поднажать. Права учительница » – размышлял по дороге домой Стёпка.

И вот, Стёпка летел из школы, как на крыльях. Всё! Последний экзамен за семилетку сдан. Свобода! И впереди совершенно другая жизнь. Какая? Стёпка ещё не определился, но то, что она станет другой – сомнения не было.

Влетев в избу, Стёпка увидел за столом отца и какого-то дальнего родственника из села, Николая Лескова. Мужики за бутылкой громко обсуждали насущные проблемы и не сразу заметили вбежавшего в избу мальчишку.

– А-а! Стёпка! Ну, как сдал экзамен?

– Сдал, тятя, сдал!

– Молодец, племянничек! Присаживайся к нам. Поговорим.

– Николай, потом поговорим, а сейчас, давай выпьем за сына. – Андрей налил в гранёные стопки водки. Мужики чокнулись, крикнули, похрустели квашеной капустой.

– Ну и какие у тебя планы, Степан? – спросил Лесков, дожёвывая капусту.

– Не знаю. Наверное, в техникум пойду.

– Техникум это хорошо. Только вот, чтобы я тебе посоветовал. Отцу помочь надо. Лёха в армии, Василий в Кологриве в ФЗУ на тракториста учится, а потом в армию загремит. А отцу, кто помогать будет? За тобой вон ещё двое младших. Их кормить надо, обувать, одевать. Хочешь денег хороших заработать?

– Деньги никому не помешают – рассудительно ответил Стёпка.

– Слушай сюда... – продолжил дальний родственник. – Пойдём ко мне на Стафеевский серу собирать. Молод ты, конечно, ещё для этой работы. Я там начальник! Закрою глаза на твой возраст. Норму установлю, как шестнадцатилетнему. Да ты, Стёпа, не бойсь – справишься. Там у меня почти все рымовские работают.

– А чего мне бояться. Я, чай, каждое лето работал.

– Вот и хорошо! Недельку отдохни. А в следующий понедельник вместе со всеми на участок. Андрюха! Ему харчей надо на неделю собрать. Рабочие у меня там в бараке живут и вместе харчуются.

– Ну, что, сынок, так и порешили? – подытожил отец.

– Порешили! – уверенно ответил Степан. – Ладно, тятя, я пойду в упечь, поем что-нибудь, а то больно проголодался. А мама где?

– На нижнем огороде с Мишкой и Верой капусту поливают.

Стёпка достал из печи чугунок с пшённым. Наложил в тарелку каши с румяной молочной корочкой. Мальчишка не заметил, как тарелка опустела, и он прямо из чугунка отправил в рот ещё две огромные ложки распаренной вкусной каши.

Мужики за столом продолжали выпивать. Стёпка незамеченным вышел из избы и направился в нижний огород у реки поделиться радостью с матерью.

Утром следующего дня Алёна читала нотацию протрезвавшему мужу:

– Ты куда парнишку отправляешь? Знаешь, сколько ведро серы весит? Пуда два. Хочешь, чтобы ребёнок грыжу заработал целый день бегая по лесу с этим ведром?

– Успокойся. Никто его целые ведра таскать не заставляет. Лесков сказал, что установит ему низшую норму.

– Мама! Тятя! Не ругайтесь. Ничего со мной не случится. Уж не ребёнок я – пятнадцатый год пошёл. А ноши сена таскать легче, что ли? Лучше узнайте у тёти Матрёны, что они Ваньке на неделю с собой собирают.

– А ты, куда намылился?

– Да пойдём с Витькой Родиным с удочками на речке посидим.

Рано утром в понедельник в гараже на посадочной площадке собралась толпа вздымщиков и сборщиков живицы. Рымовских, действительно было много, но все они были гораздо старше Стёпки.

ЗИЛ-157 прижался задним бортом к посадочной площадке, и толпа ожидающих разместилась на скамейках, закреплённых поперёк кузова. Машина долго тряслась по разбитой лесной дороге и часа через два остановилась на большой поляне. Из кабины грузовика вышли Николай Лесков и Матвей Гомозов.

– Подавайте свои котомки и выбирайтесь из кузова.

Стёпка огляделся. На поляне стояли два больших деревянных барака, колодец, два небольших сарайчика, похожих на скворечники. «Туалеты, поди» – подумал парнишка. А ещё его удивила конструкция умывальника недалеко от колодца. На четырёх столбах стоял большой металлический бак, к нему понизу была приварена труба, от которой отходили несколько тонких трубок с краниками, ниже которых, так же на столбах, покоилось огромное жестяное корыто с отверстием на одном конце.

– Стёпка! Чего рот разинул? Пошли в барак кровать твою покажу, – толкнув мальчика в плечо, сказал начальник участка. – Это наш барак, а в соседнем живут Торзатята.

Барак внутри был разделен на две половины. В одной жили мужчины, а в другой женщины. Стёпкино место оказалось в самом углу у широкого окна.

– Работать будешь в паре с Борисом Абрамовым. Он тебе всё покажет. А там видно будет с кем тебя в пару поставить.

Лесков вышел из барака и вскоре вернулся, бросив на кровать брезентовые брюки и куртку.

– Вот тебе, Сазонов, спецодежда. А теперь слушайте все! Разбирайте свои пожитки. Съестное отнесите на кухню. Обедаете и друженько выходите на делянки.

С новеньким ведром в руках Стёпка шагал за Борисом, продираясь сквозь мелколесье. Ведро то и дело цеплялось за ветки и гроыхало брошенной в него металлической лопаткой, по форме напоминающей строительный мастерок. Минут через двадцать они подошли к сосновому бору и остановились.

– Стёпка, смотри – вот наша делянка от межи до межи в ширину, а в глубину до болотины. Мы должны каждой сосне поклониться.

– Что по настоящему, как старухи поклоны бить?

– Да нет. Видишь к стволу прикреплена воронка. Ты должен взять в левую руку воронку, правой рукой лопаткой выковырнуть из неё серу в ведро, поставить воронку обратно и переходить к следующему дереву. Смотри, как это делается.

Борис вытащил из-под разреза в стволе воронку, круговым движением провёл лопаткой по внутренней стенке воронки, перевернул её над ведром и сбросил липкий ком серы внутрь. Не свалившиеся с лопатки остатки серы ловко очистил о край ведра и, воткнув край воронки в прорезь ствола, поднял с земли стружку и положил её на воронку.

– Стружку на воронку я положил для того, чтобы не подойти к уже пустой воронке. Пробуй, я погляжу.

Стёпка подошёл к стоящему рядом дереву и проделал все манипуляции, показанные Борисом.

– Молодец! Только серу с лопатки в ведро сбрасывай резким движением, чтобы на лопатке оставалось, как можно меньше, и получше чисти её о край ведра, а то через десяток воронок лопатка у тебя превратиться в култышку, и работать ты ей не сможешь. Уяснил?

– Да. Всё уяснил.

– Тогда начинаем. Ты по горизонтали идёшь влево до межи и идёшь по следующему ряду сосен обратно до встречи со мной. Потом опять расходимся. Когда ведра будут полные понесём их к бочкам. Они стоят на широкой меже. Ну да я покажу, – сказал Борис и пошёл к сосне в свою сторону.

Стёпка зашагал от сосны к сосне, выковыривая содержимое воронок в ведро. Когда они встретились с Борисом, ведро у Стёпки было заполнено наполовину, но так оттягивало руку, как будто туда положили пудовую гирию. У Бориса ведро было полным.

– Ну, как? Получается?

– Получается, только ведро тяжеленное.

– Ничего, привыкнешь. Пошли вываливать серу в бочку.

– Так у меня же ещё не полное.

– Полное ты не поднимешь. Попробуй моё.

Стёпка взялся за дужку ведра Бориса и еле оторвал его от земли.

– Тяжело.

– Вечером надо сказать Лескову, чтобы он маленькое ведро тебе дал, как девчатам. Да, ты не забывай на воронки щепки положить, а то я несколько раз к пустым воронкам подходил.

На меже около бочек стояли большие весы. Борис завесил своё ведро, записал цифры в журнал, который лежал на крышке соседней бочки, поднял ведро и стал вытряхивать содержимое в бочку. Он долго тряс ведро над бочкой, потом стал лопаткой выскребать прилипшую ко дну и краям живицу, и снова завесил уже пустое ведро, записал цифры в журнал и передал его Стёпке.

– Вот на чистой странице пиши свою фамилию, взвешивай ведро и под номером один записывай его вес. Вываливаешь серу в бочку, взвешиваешь пустое ведро и снова записываешь вес. Смотри, как у меня записано.

Стёпка сделал всё, как ему сказали, в уме сосчитал чистый вес серы и удивился.

– Ого! Всего-то семь с половиной «кг». А я думал, тут целый пуд будет.

– Пуда даже у меня в ведре не было. Ну, всё пошли на участок.

Подойдя к меже, Стёпка услышал какие-то ритмичные щелчки. Он пригляделся. На соседнем участке за межей маячили два мужика с длинными палками в руках. Они подносили палки к дереву, проводили ими по диагонали снизу вверх по стволу. Проводка заканчивалась щелчком. Стёпка никогда не видел, как подсачивают сосну и подошёл поближе.

– Новенький? Интересно? – мужичок оказался словоохотливым. – Это приспособление называется хак, – мужичок показал на согнутую в дугу широкую металлическую пластинку. – Дуга или по-другому резец подвижная и на оси прикреплена к рукоятке пружиной. Когда я веду хаком вверх, резец впивается в дерево, прорезает его, оставляет борозду для стекания живицы по вертикальному желобу в воронку. А, как только я убираю хак от ствола, пружина со щелчком возвращает дугу в исходное положение.

Вздымщик взялся обеими руками за ручку инструмента и ловко провёл хаком по стволу сосны. Раздался щелчок и на землю упала толстая шириной в сантиметр стружка. Мужчина чиркнул инструментом в другую сторону от желоба. Снова раздался щелчок и вздымщик быстрым шагом перешёл к другому дереву. На стволах деревьев оставались по две новенькие белые бороздки.

Стёпка вернулся на свой участок и продолжил ковырять воронки. Вечером начальник участка спросил Бориса:

– Ну, как новенький?

– Да, ничего. Смышлёный мальчишка и старательный. Думаю, недели через две втянется. Только вы ему ведро дайте маленькое, а то надорвётся мальчишка.

Так потянулись однообразные рабочие дни: завтрак – делянка, обед – делянка, ужин и сон. Иногда Стёпке казалось, что он не выдержит, откажется от этой изнурительной работы. Но когда, через две недели он получил целых сорок пять (в новых деньгах) рублей зарплаты, то воспрял духом: «Есть за что пупок рвать».

А недели через три он совсем втянулся в работу. Сил оставалось и на то, чтобы вечером побалагурить с ребятами, позаигрывать с девками и вместе с ними сходить в суходол по чёрную смородину.

Как-то вечером к Стёпке подошла его двоюродная сестра Валентина Юрасова.

– Стёпа! Пошли с нами сегодня на чердак спать. Там прохладней да и комаров меньше.

– А с кем это с Вами?

– Со мной и Лизой. Да там в другом углу ещё девчонки спят. Не бойся.

– Чего мне бояться. Не сожрёте ведь.

Лизавета, молодая женщина, небольшого росточка, приятной полноты со светлыми слегка вьющимися волосами, была лет на десять старше Степана и уже успела побывать замужем. Около одиннадцати часов, когда на улице уже смеркалось, Стёпка вместе с молодыми женщинами по приставной лестнице забрались на чердак барака.

– Вот наша лежанка, а в том углу Надька Сухарникова с Татьяной Мойсеевой спят.

На чердаке было сумеречно, но Стёпка разглядел у противоположного фронтона полог из простыней.

– А они под пологом спят. Им комары не страшны. Нас зажрут, наверное.

– Не зажрут. Мы тебя в серединку положим. Комары нас с Валюхой есть будут, – успокоила подростка Елизавета.

– Хватит болтать! Ложитесь, – утром чуть свет вставать! – скомандовала Валентина и, сбросив с себя платье, юркнула под простынку.

– Степа, скидай штаны и рубаху и ложись рядом с Валентиной, – сказала Лиза и, стащив с себя платье, улеглась на другом краю постели.

Стёпка проснулся от того, что почувствовал в своих трусах чью-то руку. Юношеская гиперсексуальность сразу дала себя знать. Стволик дёрнулся и напряжённо поднялся к лобку. Лиза подсунула под плечи подростка вторую руку и резко перевернула его на себя. Стёпка и не заметил, как оказался между ног женщины, а его напряжённый пенис вошёл в горячее и влажное влагалище.

Несмотря на свои четырнадцать лет, у Стёпки уже был опыт близости с женщиной. Иногда он вместе с группой из пяти-шести человек тринадцати – пятнадцати летних пацанов ходил в избёнку Маньки Биндюги. Так звали в деревне невзрачную маленькую женщину. Манька вставала коленями на скамейку, облокачивалась на подоконник и задирала подол юбки на спину. Пацаны по очереди пристраивались к её задку. Когда подходила очередь Стёпки, по ляжкам бабёнки ручейками текла липкая жидкость спермы. Делая своё дело, он не испытывал отвращения, но и не испытывал восторга от близости с женщиной. И, только с оргазмом его сознание наполнялось гордостью – он мужчина.

Сейчас же было всё по-другому. Он лежал на Лизавете. Она руками держала его за ягодицы и, двигая тазом прижимала его к себе. В какой-то момент всё тело женщины задрожало и парнишка почувствовал, как влагалище плотно обхватило его пенис, который в ту же минуту выплеснул живительную влагу.

Женщина тихонько застонала, обхватила своими ногами бёдра партнёра, и что было мочи, прижала его к себе. Подросток испытал небывалое и не совсем понятное ему наслаждение от близости. Такого с ним ещё не было.

Утром Стёпка с другими ребятами сидел на крылечке барака, пыхтел самокруткой. Всё нутро его раздирало, хотелось рассказать, что с ним произошло этой ночью, но он сдерживал себя и молчал.

– Мальчики! Завтракать! – позвала ребят повариха.

– Кому мальчики, а кому мужчины, – съязвила, проходящая мимо Танька Моисеева.

Как током пронзило всё тело Стёпки, к лицу прилила кровь, громко застучало сердце.

– Что это с тобой, Стёпка? Чего это ты пунцовым стал? – с издёвкой проговорила Танька.

– Ничего. Обкурился, наверное, – выдавил из себя парнишка и поплёлся к столу под навесом.

После этой ночи Стёпка с Лизой стали не разлей вода. На одну делянку ходили собирать живицу и практически каждый день под кустиками по разочку, а то и по два предавались любовным утехам.

К середине сентября сезон сбора живицы закончился, и все обитатели Стафеевского разъехались по домам. Лизавета вскоре уехала из деревни на постоянное место жительства в Ковернино, и вскоре до Стёпки дошли слухи, что она сошлась со своим мужем.

Стёпка помогал родителям по дому, ходил с матерью по грибы, копали картошку, а с первыми заморозками, то на Большом болоте, то на Пиусе собирали жаравику (так в деревне называли клюкву). Вечерами он каждый день бегал за реку в клуб в кино и на танцульки, а днями, когда особых дел по дому не было, забившись в угол за печкой у окна, усердно писал рассказы и отсылал их в редакцию.

В начале мая Андрея вызвали в Кострому на очередное медицинское освидетельствование по поводу определения группы инвалидности.

– Чего каждый год освидетельствовать? Нога новая у меня не выросла. Делать им там, видно, нечего, – добавляя крутые матерные слова, возмущался Андрей. – Ну ладно, хоть новый протез получу, а то этот скоро развалится.

Вернулся Андрей довольным. Вытащил из длинной картонной коробки новенький протез и сверкающую краской трость.

– Протез лёгкий, удобный. Я там на нём уже походил. Да, Алёна, мне ещё врачи сказали, что месяца через два, путёвку в санаторий дадут. Сердце, говорят подлечить надо.

– Вот и хорошо! А группу то, какую дали?

– Вторую опять оставили. Значит, пенсию не уменьшат.

– Тятя, вернулся? – спросил забежавший в избу Степан. Он всю зиму и весну работал на нижнем складе, маркировал брёвна. На торцах брёвен чёрным или красным мелом были написаны цифры и буквы, обозначающие сортность и диаметр бревна. Степану надо было стамеской вырубить их на спиле. Мел во время сплава брёвен смывался, а вырубленные буквы и цифры сохранялись навсегда.

– Да! Вернулся. Вот протез новый привёз. Погляди, какой аккуратный лёгкий.

Сын покрутил в руках протез:

– Да, лёгкий. А на культе – то удобный?

– Удобный. Я уже в больнице его носил.

– Так и ехал бы в нём домой, а старый там выбросил.

– Ишь, ты, выбросил. А вдруг новый сломается. На чём я тогда ходить буду?

– Да у тебя на повети уже протеза три стоят.

– Ну, знаешь, сынок, запас он не мешает, да и хлеба не просит.

– Потом музей протезов и костылей откроем.

– Пускай постоят. Выбросить всегда успеем. А ты, чего рано с работы прибежал?

– Так я в шесть утра из дому ушёл, – отчитался перед отцом Стёпка и продолжил.

– Мама, тятя, я тут решил в техникум в Шарью на механика поступать. До конца месяца доработаю, а потом за учебники засяду, а то за год подзабыл многое. Вы, как, не возражаете?

– Чего это нам возражать – то. Поступай. Специальность хорошую получишь – в один голос ответили родители.

В июне Стёпка слетал на самолёте в Макарьев, прошёл комиссию и получил медицинскую справку о пригодности к обучению в техникуме. Собрал все необходимые документы, запечатал их в конверт и отправил заказным письмом в техникум.

За русский язык Стёпка не переживал: хоть диктант, хоть изложение он напишет без особого труда. Математику надо проштудировать и, не заглядывая в ответы, перерешать все

задачи. В основном всё решалось легко, но отдельные задачи никак не хотели решаться. И когда по вечерам заходил дядя Коля Прохоров, они садились вместе за стол.

– Стёпка! Давай от обратного. Будем зрить в корень, и разбирать ход решения, – приговаривал дядя Коля, читая условие задачи.

И они зрили, искали корень зла и легко решали задачи.

– Ты, племянник, пойми – все задачи решаемы, надо только понять в чём корень зла или где собака зарыта.

Стёпка удивлялся, как это дядя Коля, окончивший семилетку за десять лет до его рождения, да ещё получивший на фронте тяжёлую контузию всё помнит:

– И, как это ты всё помнишь, дядя Коля?

– А помнить вовсе необязательно. Надо понимать и научиться логически рассуждать, тогда любая задача решиться.

Уроки дяди здорово помогли Стёпке при поступлении в техникум. В июле Стёпе приехали вызов на экзамены, а отцу путёвку в санаторий « Берёзовая роща » в Тейково. Вскоре Андрей собрался и уехал, а Стёпка сидел дома и читал книги по школьной программе. В дверь сеней громко постучали. Стёпка вышел, на крыльце стояла пожилая цыганка.

– Парень! Поддай что-нибудь из продуктов, а то внуков кормить нечем.

– А что подать – то?

– Может мука есть или сахар.

– Сейчас, подожди.

Степан зашёл в избу, взял большую металлическую миску и в чулане из кадушки зачерпнул полную муки, достал из ларя две большие головки сахара.

– На, вот возьми. Есть куда муку высыпать?

– Спасибо, добрый человек. Сыпь сюда, – цыганка вытащила из кармана многочисленных юбок небольшую котомку. Потом пристально посмотрела на Степана.

– Вот, что я тебе скажу, милый. Жизнь твоя будет не деревенская. Будешь ты жить в большом городе, будешь большим начальником, но прежде тебя ждёт казённый дом.

Цыганка ещё раз поблагодарила за продукты и, шурша юбками ушла. Стёпка, тогда не придавал значения её словам, и только много лет спустя, понял, насколько они были пророческими.

– Станция Шарья! – идя по проходу, общего вагона несколько раз повторила проводница.

Поезд замедлил ход и остановился. Степан взял выдавший виды чемоданчик, позаимствованный матерью у кого-то из соседей, и вышел из вагона. По понятиям подростка, вокзал был громадным. Длинное двухэтажное здание, покрашенное в желтый цвет, возвышалось над перроном, на фронтоне здания крупными буквами было написано «Шарья».

Степан увидел прогуливающегося по перрону милиционера и подошел к нему.

– Здравствуйте! Подскажите, пожалуйста, как мне добраться до техникума.

– А вот, переходи пути по мосту и шагай прямо по улице. Примерно через километр справа увидишь трехэтажное здание. Это и будет техникум. Поступать приехал?

– Да. Поступать.

– Удачи тебе, паренёк.

– Спасибо.

На ступеньках здания техникума стояла и курила немолодая женщина.

– На экзамен приехал? – глухим прокуренным голосом спросила она.

– Да. Вот у меня вызов, – Стёпа вытащил из кармана пиджака конверт.

– Мне твой вызов не нужен. Иди по коридору в шестнадцатый кабинет, там вызов и покажешь.

– Спасибо! – буркнул Стёпа и вошёл в здание.

На дверях кабинета висела табличка « Приёмная комиссия ». Дверь в кабинет была приоткрыта. За столом сидел парень лет двадцати.

– Ну, что топчешься у дверей? Заходи! Вызов на экзамен есть?

– Да, есть. – Степан протянул парню сложенную вдвое бумажку.

– Так, Сазонов Степан. Сейчас мы тебя отметим. – Парень пробежал карандашом по какому-то большому списку и поставил галочку напротив фамилии Сазонов. – Молодец, что приехал хотя бы за день до экзаменов. Поселишься, оглядишься, соберёшься с мыслями, – хозяин кабинета помолчал, потом взял с края стола толстый журнал. – Общежитие у нас пока на ремонте. Поселим тебя к частникам. Сейчас гляну. Какие поближе адреса есть.

Парень-начальник поводил пальцем по страницам журнал.

– А, вот улица Лесная, дом шесть. Это совсем рядом. Сейчас я тебе выпишу направление. Хозяйка там добрая. Пойдёшь прямо по улице, по которой шёл с вокзала. Второе пересечение и будет улица Лесная. Повернёшь направо, третий от угла дом. На экзамены не опаздывай. Приди лучше за полчаса до начала и ожидай у главного входа. Вас позовут в аудиторию.

Стёпе хотелось спросить, а что такое аудитория, но он сдержался. Стыдно было показаться невеждой.

В назначенный день Стёпка пришёл к главному входу в техникум загодя. Около входа уже толпились человек двадцать-двадцать пять страждущих. Среди ожидающих были не только подростки, но и молодые мужчины, и только одна-единственная девчонка. Видимо с кем-то из ребят пришла – поддержать. Позднее выяснилось, что она пришла на экзамен – хочет механиком стать.

Вскоре на ступенях появился « начальник » с папкой.

– Внимание, абитуриенты! Все вы будете поделены на две группы. Те, кого сейчас назову, будут в первой группе. Вы сегодня сдаёте экзамен по русскому языку и литературе в тридцатой аудитории. Вторая группа сдаёт математику в тридцать первой аудитории. Слушайте внимательно – зачитываю первую группу.

« Начальник » называл фамилии по алфавиту и первым на букву «С» был он, Сазонов Степан. Сердце Стёпки ёкнуло. Нет, он не боялся экзамена, но на душе всё равно было тревожно.

– Здравствуйте! – сказала вошедшая в аудиторию пожилая женщина. – Я, преподаватель, зовут меня, Тамара Григорьевна. Сегодня будете писать изложение. На всё про всё отводится два с половиной часа. Вы должны раскрыть тему произведения, характеры героев и обозначить главную идею авторского замысла. Оцениваться будет, как литературное мастерство, так и грамотность. Изложение можно написать по двум произведениям из школьной программы и на вольную тему по произведению, не входящему в школьную программу, но понравившемся вам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.